

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

С О В Е Т С К А Я ЭТНОГРАФИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

VI—VII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

С. П. Толстов

Из предистории Руси

(Палеоэтнографические этюды)¹

I. Низами и Арриан

Среди произведений средневековой восточной литературы, на страницах которых упоминается имя нашего народа, безусловно, одно из первых мест занимает замечательное произведение национального поэта азербайджанского народа, великого Низами, его «Искандер-Намэ».²

✓ Одно из наиболее ярких мест этого произведения посвящено апокрифическому сказанию о походе Александра Македонского на руссов.³ На первый взгляд этот рассказ представляет собой лишь историко-литературный интерес. Однако более углубленный анализ этого произведения позволяет прийти к выводу, что из него мы можем извлечь и нечто большее — не только то, что характеризует эпоху Низами, но и то, что характеризует эпохи, близкие к событиям, описанным Низами.

«Искандер-Намэ» Низами представляет собой не просто поэтическое произведение. В основу его положена обширная, творчески переработанная этим автором литература, по преимуществу разные апокрифические сказания об Александре Македонском, относящиеся к циклу псевдо-Каллисфена, как известно, уже в II—IV вв. н. э. переведенного с греческого на пехлеви.⁴

Сам Низами так характеризует свою работу:

Рассказов об этом царе, покорителе горизонтов,
Я не видел начертанными ни в одном свитке.
Слова, собранные мною как сокровище,
Во всех списках были разбросаны.
И, облакая их в убранство стиха,
Кроме новейших историй изучал я и книги

¹ Переработанная стенограмма доклада на сессии Отделения истории и философии АН СССР 22 сентября 1943 г. и на сессии по этногенезу славян (Москва, декабрь, 1943 г.).

² Низами Гянджеви. Искандер-Намэ. Ч. I. Изд. Аз. ФАН, Баку, 1940. Русск. пер. Е. Э. Бертельса. Ср. изд. J. B. Chaillot, SPB, 1827; Dorn, Caspia, p. 286.

³ Низами, пер., стр. 312 и сл. Ср. Григорьев. О древних походах руссов на Восток. Журн. Мин. нар. просв., V, 1835.

⁴ Об эволюции сюжета псевдо-Каллисфена на до-мусульманском и мусульманском Востоке см. W. Geiger und E. Kuhn. Grundriss der Iranischen Philologie, II S. 145—146 и др. См. также Бертельс. Великий азербайджанский поэт Низами. Баку, 1940, стр. 105 и сл.

Еврейские, христианские и пехлевийские,
Выбирая из каждой книги то, что в ней было драгоценным,
Из каждой скорлупы вынимал ее зернышко.¹

Из анализа текста Низами мы можем прийти к заключению, что среди этих источников были и такие, которые до нас не дошли; в них имелись сведения, представляющие для нас немалый интерес.

Низами рассказывает, как Александр после похода на Дальний Восток возвращается в Среднюю Азию, в Самарканд, и узнает о том, что на владения Нушабэ, царицы известного азербайджанского города Бердаа, напали руссы. Александр отправляется в поход на этих руссов, чтобы наказать их и освободить Нушабэ. При этом он избирает весьма интересный для нас маршрут, особенно любопытный, если учесть закавказское происхождение Низами. Александр идет в Хорезм, переходит Аму-Дарью и выходит в Кыпчакские степи, судя по историко-этнографическим деталям — на Волгу, где и сталкивается с руссами. Страницы, посвященные описанию боя с руссами, весьма ярки. Они должны быть введены в широкий оборот как памятник того глубокого уважения, которое военное искусство наших предков вызывало у представителя одного из братских народов Союза. Александр, победивший весь мир, лишь с огромным трудом, после тяжелых семикратных боев, сламывает сопротивление руссов.

На страницах поэмы «Искандер-Намэ» рассыпано немало ярких характеристик, рисующих руссов как смелых воинов, мужественных людей, привыкших к лишениям и готовых в жесточайших боях отстаивать независимость своей страны.

Анализируя маршрут Александра у Низами и другие детали его рассказа, приходим к заключению, что не все в этом рассказе может быть почерпнуто из близких хронологически раннесредневековых событий, хотя анахроничность географии Низами и его зависимость от современной ему географической литературы более чем очевидны.

Средневековый Азербайджан хорошо знал руссов. События X в., связанные с той же самой Бердаа,² и более близкие отношения с Русью³ были в памяти населения Азербайджана, но если бы Низами исходил лишь из того, что сохранила восточная традиция об этих походах руссов, то целый ряд деталей его рассказа не мог бы найти места на его страницах. Прежде всего, это маршрут Александра против руссов, в котором фигурируют Самарканд и Хорезм.⁴ Чтобы увязать эпизод о нападении руссов на царицу Нушабэ с Бердаа, Низами вынужден вести ее посольство с тревожной вестью из Азербайджана в Самарканд, где находится Александр. Настойчиво Низами отождествляет руссов с аланами и какими-то загадочными «арками».⁵ Руссы рисуются Низами как по преимуществу конный народ, в то время

¹ Низами, стр. 71.

² О походах руссов на Бердаа в X в. см. Догп, цит. соч.; Григорьев, цит. соч.; Якубовский. Инб-Мискавейх о походе руссов на Бердаа. Визант. Временник, XXIV, 1926, стр. 63 и сл.

³ В частности, не упоминаемый русскими летописями морской поход руссов и хазар в 1175 г. на Ширван, о котором сообщает Хакани (Догп, цит. соч., стр. 13 и сл., 304 и сл.). Видимо, прав Куник (у Дорна, стр. 241), видящий здесь поход русской волго-донской вольницы, бродников, будущих казаков.

⁴ Низами, стр. 315: «Он отогнал своего коня от кипящего Джейхуна и погнался на другую сторону, в хорезмскую степь».

⁵ Низами, стр. 312: «Русские бойцы из аланов и арков ночное нападение совершили, словно град».

как руссы источников X в. выступают как народ моряков и пехотинцев.

Целый ряд деталей этой части рассказа Низами ассоциируется с деталями античных традиций о походах Александра. Я начну с конца, чтобы затем вернуться к дополнительным аргументам.

Связь в этом сказании руссов, Хорезма, амазонок (комплекс царицы Нушабэ), Самарканда заставила меня искать аналогичный комплекс в первоисточниках о походах Александра. Оказалось, что, действительно, мы находим у наиболее достоверных античных авторов такие места в рассказах о походах Александра, где Самарканд и Хорезм, Восточная Европа, народы Северного Кавказа и Поволжья оказываются связанными. Это рассказ Арриана, идущий, видоизменяясь, через всю дальнейшую традицию, рассказ об Александре и хорезмийском царе. Согласно этому рассказу, когда Александр Македонский был в Самарканде, к нему прибыл царь хорезмийский Фарасман, и предложив ему военный союз, приглашал его принять участие в походе против соседей Хорезмийского царства — колхов и амазонок.¹

Рассказ этот давно привлек внимание специалистов. Гутшмид,² а за ним Бартольд³ пришли к общему заключению, что политическая тенденция, которая ярко проявляется в средневековой истории Хорезма и Восточной Европы, восходит еще к IV в. до н. э. Эта тенденция, проявившаяся во включении в XIII в. Хорезма в золотоордынское государство — политическое объединение Аральского бассейна и восточно-европейских областей, имеет, таким образом, длительную предисторию. Но сопоставление рассказа Арриана с «Искандер-Намэ» позволяет сделать и еще одно заключение, притти к выводу, что в рассказе Низами в сильно искаженном виде сохранились сведения первоисточников, восходящих к той же информации, которую по данному вопросу имел Арриан. Действительно, если мы пойдем по позднейшим античным источникам (Павел Орозий и др.), то мы увидим, что в поздней античной традиции посещение царя хорезмийцев заменяется посещением царицы амазонок, которая прибывает к Александру, вступает с ним в брачный союз, и завязывается романтическая история, перекликающаяся с отношениями Александра и Нушабэ.⁴

Уже в поздней античности, таким образом, закладываются элементы будущего сюжета этого эпизода «Искандер-Намэ». В раннесредневековой персидской литературе этот эпизод «Романа об Александре» имеет довольно значительную историю. При этом в ранних версиях сохраняется трактовка прототипа Нушабэ как царицы амазонок. Царицей амазонок является один из прототипов Нушабэ — царица Кайдафэ у Фирдоуси. Характерно, однако, что ее царство Фирдоуси помещает в Андалусе (Испании), что заставляет предполагать независимое восхождение обоих образов к общему первоисточнику. Отголосок восходящего непосредственно к кругу псевдо-Каллисфена сюжета о посещении Александром страны амазонок выступает, наряду с циклом Нушабэ (первоначальный образ которой у Низами завуалирован), также и в рассказе Низами о пребывании Александра в стране кыпчаков, о его борьбе за введение чадры у кыпчаков и о постановке им в этой связи изваяния закрытой женщины, якобы заставившего кыпчакских женщин закрыть свои лица.⁵ Здесь, несомненно, морализирующая литературная

¹ Арриан, IV, 15, 4.

² Gutschmid. Geschichte Irans.... Tübingen, 1888, S. 10.

³ В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море. Ташкент, 1902, стр. 2.

⁴ Латышев. Scythica et Caucasica. I, 3, стр. 902 и след.

⁵ Низами, стр. 315—318.

обработка первоначального сюжета, где место кыпчакских «открытых» женщин занимают степные воительницы — амазонки псевдо-Каллисфена. С другой стороны, рассказ о тяжелом семикратном сражении с руссами перекликается с другими фактами, сохраненными античной традицией. Наиболее близкими к этому сюжету являются события, связанные с битвой Александра против скифов на Яксарте.

№1 Возникает вопрос: почему в соединении у Низами двух традиций, восходящих к Арриану или к его первоисточникам, вдруг появляется имя руссов? Является ли это только результатом интерполяции на древний исторический материал современной или близкой ко времени поэта ономастики, как это имеет место в том же рассказе с буртасами, хазарами, ису и т. д.?

✓ Учитывая ряд выступающих в рассказе Низами моментов, в частности настойчивую связь между руссами и аланами и появление как синонима обоих этих имен загадочного имени арков, я думаю, что это может быть объяснено другими причинами. Для объяснения этого можно выдвинуть гипотезу (я постараюсь доказать ее ниже), что руссы в рассказе Низами поставлены на место народа, упомянутого в одном из ранних источников о походах Александра и носившего имя, звучащее близко к имени Рус. Такой народ мы знаем. В непосредственном соседстве с Хорезмом, на запад от Аральского и на север от Каспийского морей, по нижней Волге и далее на запад в эпоху, близкую к Александру, античные, а еще ранее китайские источники фиксируют народ аорсов, или аланов, в китайской транскрипции Яньдай.

Мы знаем, что аорсы или аланы имеют в несколько более поздний период своим западным соседом и несомненным сородичем другой народ, который носит имя, соединяющее в себе оба имени: аорсов и аланов. Это роксоланы.

II. Три Аракса

Имя роксолан уже не ново в историографии проблемы происхождения имени «Русь». Мы знаем, что в свое время гипотеза роксоланского происхождения имени «Русь» была выдвинута М. В. Ломоносовым и развита Д. Иловайским¹ и рядом других исследователей, затем отступила на задний план перед шедшей победным маршем варяжской теорией и, наконец, в последнее время снова начинает завоевывать себе некоторые права гражданства.²

В гипотезе Иловайского есть, несомненно, слабое место, которое и дало возможность в свое время раскритиковать ее и снять с обсуждения, выплеснув, можно сказать, из ванны вместе с водой и ребенка.

Дело в том, что для Иловайского роксоланы — это уже руссы, славянские руссы, так же как гунны или болгары являются для него безоговорочно славянами. Нетрудно было показать, что роксоланы II и I вв. до н. э. — не славяне, говорили, судя по немногим дошедшим до нас именам, не на славянском языке, и, таким образом, показать несостоятельность гипотезы Иловайского.

№3 Подходя к этому вопросу с наших методологических позиций, мы можем найти новый угол зрения на эту проблему. Для нас роксоланы —

¹ Д. Иловайский. Разыскания о начале Руси. Изд. 2, М., 1882, стр. 74, сл. и др.

² М. Артамонов. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси. КСИИМК, VI, 1940, стр. 13.

не славяне, но одни из предков славян; для нас роксоланы не славянские руссы, но руссы, одни из предшественников славянских руссов, одни из участников того большого культурного и политического строительства, которое завершилось созданием Киевского государства и всей последующей историей нашего народа. Через имя роксолан и их восточных соседей и двойников аорсов-аланов мы перебираем, таким образом, мост между восточноевропейским историческим процессом и историческими событиями, происходившими на других частях территории нашего Союза.

М¹ Действительно, то этническое имя, которое звучит сейчас в названии нашего народа, широко запечатлено в «языке земли» Средней Азии (и не только Средней Азии) в форме рос, рокс, рас, ракс, ракш, рокиш, рош, руш (западный беспрефиксный вариант), аорс, аракс, арси (префиксированный восточный вариант).¹ Этот элемент широко распространен в среднеазиатской топонимике. Мы находим его в первую очередь в названии Аму-Дарьи, Аракса Геродота, в ныне существующем имени реки Арыси, в названии древней страны Усрушана (Us-Ruš + an), по соседству с которой Александр дал свой знаменитый бой скифам, послуживший прототипом битвы Александра с руссами у Низами. Мы находим это имя в названии нескольких областей Средней Азии, носящих имя Рушан, в названии столицы легендарной скифской царицы Зарины — Рокшанаки; мы находим его в имени народа арси так называемых «тохарских документов» и в целом ряде других названий.

Не только в Средней Азии запечатлено это имя. Имя Аракса — Аму-Дарьи звучит и в названиях двух других великих рек Каспийского бассейна, прежде всего Волги, имя которой Raha — Rahva — Ros, как показали исследования А. Германна,² имело параллельный вариант — Аракс, и, наконец, в имени реки, и ныне носящей это название, — закавказского Аракса. Три Аракса Каспийского бассейна — это три памятника наших древних предков, носителей того же имени, которое носим мы.

С каким же этнографическим комплексом, с какими этническими группировками древнего мира связывается это имя на протяжении истории? Здесь мы можем ответить достаточно четко. Наиболее древним из исторически известных носителей этого имени в этом районе являются массагетские племена.¹ Не случайна связь аорсов и роксов с именем аланов, — мы знаем ту историческую преемственность, которая создавалась между массагетами и аланами в античной традиции (Аммиан Марцеллин). Если среднеазиатский Аракс течет в середине массагетской территории Закаспия, то имя массагетов неуждо прикаспийским районам Закавказья и в иных формах, осложненных другими определителями, оно звучит широко на территории Восточной Европы. Мы находим его в имени гетов Дакии, тирагетов Приднестровья, тиссагетов Прикамья, мюргетов и в целом ряде других вариантов.

Не только это свидетельствует о древних связях так далеко отстоящих друг от друга территорий. Кроме имени самих массагетов и их ветви — роксов-аорсов мы находим целый ряд дополнительных имен населяющих эти области народностей, выступающих четко очерченными

¹ Видимо, свойственное тюркским языкам избегание начального «R» унаследовано современными среднеазиатскими кочевниками от их древних предков — восточных отраслей сармато-аланских, resp. массагетско-юечжийских племен.

² A. Hermann. Alte Geographie des unteren Oxusgebiets, AKGWG, Ph.-Hist. Kl. Neue Folge, B. XV, № 4, Berlin, 1914.

гнездами. Укажу, например, на имена дахов (даев) Закаспия, даков Дакии и имя народа, которому обязан своим названием Дагестан (название, очень возможно, вовсе не происходящее от тюркского слова «даг»). В этот же круг связей вводят нас не только имена рек, но и имена гор: закаспийские Балханы в районе дахов и Балканы к югу от Дакии.

Я ограничусь только этими примерами в области этно- и топонимики. Но и в сфере материальной и духовной культуры восточные и западные области расселения древних гетских племен перекликаются между собой.

Мне пришлось в ряде работ¹ демонстрировать, что, если фракийский всадник является популярнейшим образом дакийской иконографии, то его двойник — хорезмийский всадник — сейчас выступает благодаря новым археологическим работам в качестве основного символа древне-хорезмского государства. Если на Западе у фрако-фригийских племен мы находим бога Сабазия, то, как я попытался показать в другой работе, на среднеазиатской почве мы находим его двойника — Сиявахша (Сиявуша)².

✓ Я думаю, что нет никаких оснований гиперкритически отбрасывать из круга древних связей интересующего нас этнонима древнейшее свидетельство, сохраненное нам библией, о народе рош, вторгнувшемся в VIII в. до н. э. среди других северных племен из понтокаспийских стран в Переднюю Азию.

✓ Историческое сложение того древнего политического и этнического комплекса, с которым связано широкое распространение имени роксов, и завязывание узлов политических связей Средней Азии и Восточной Европы восходят к тому отдаленному времени, когда протоиндоевропейские племена циркумпонтакаспийского ареала говорили на языках, близких к фрако-фригийским и занимавших, повидимому, промежуточное положение между иллирийскими языками на западе и скифскими и индо-иранскими на востоке. Основными компонентами этого комплекса племен были фракийцы на западе, фригийцы и армяне на юге, массагеты на востоке и киммерийцы на севере, к кругу которых, несомненно, должны быть отнесены и рош библии.

В VIII—VII вв. до н. э. эти народы, как в Средней Азии, так и в Северном Причерноморьи и в Закавказьи, подвергаются сильному влиянию продвинувшихся с востока, вероятно, из южноказахстанских степей, племен саков или скифов, говоривших на языках, отличных от фрако-киммерийских языков древних циркумпонтакаспийских племен. Языки саков были близки к индоиранским, но все же многими исследователями³ выделяются в особую группу. ✓ На протяжении многих веков сакские элементы полностью ассимилируются с древними киммерийскими и массагетскими племенами, и продуктом этого многовекового скрещения в последние столетия до нашей эры становятся сармато-аланские племена, которых Аммиан Марцеллин, опираясь на местную традицию, считает прямыми потомками массагетов.

Глубоко ошибочным, следовательно, является широко распространенный взгляд о существовании якобы сплошного «иранского» этнического массива на всем пространстве древней Скифии. Мы можем

¹ С. П. Толстов. Хорезмийский всадник. КСИИМК, I, 1938. Его же. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. ВДИ. № 4, 1938, и др.

² С. П. Толстов. Древняя культура Узбекистана. Ташкент, 1943, стр. 14.

³ Ср. А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 92.

говорить лишь о разноплеменных массах поверхностно «иранизированных», точнее — сакизированных, местных фрако-киммеро-массагетских народов, пронесших сквозь века свои древние этно-культурные традиции. Древний киммерийско-массагетский этноним рос, рокс становится одним из основных этнонимов сармато-аланских племен.

Анализ этнонимического комплекса, связанного с исследуемым именем, позволяет наметить основную семантическую нагрузку, которую это имя несет, и выяснить, с чем оно ассоциируется в этих, уже скрещенного типа, языках сармато-аланского периода.

Здесь мы можем нащупать следующую цепь ассоциаций: с одной стороны, наш этнический термин в своем непосредственном значении — светлый, ясный, блистающий — наиболее тесно связан с именем солнца; затем он ассоциируется с конем, львом и водой.

Дальше я позволю себе аргументировать эти положения, но сейчас я подчеркиваю, что этноним рос, рош, аракс и другие его варианты являются в этом аспекте синонимами не только имени алан, но и других, широко распространенных в сармато-аланской среде этнических названий: свайр ~ хвайр, основа названия савромат (свайримат), и спирантный вариант этого имени Хвайризем (Хорезм) — с непосредственной этимологией — «плодоносящий», «изобильный» и с той же ассоциацией «солнце» («Народ солнца», «Земля солнца»).

Наконец, та же ассоциация отражена и в названии Согда («сверкающего») — не только среднеазиатского, но и крымского, и, может быть, в названиях некоторых других пунктов территории Восточной Европы, в частности в имени Суздаля (от Suḡda-li), не случайно расположенного рядом с одним из древнейших носителей имени «рос» на восточно-славянской почве — с Ростовом.

Все эти три имени представляются нам различными эпитетами, заменяющими табуированное имя верховного божества древних киммеро-массагетов, ибо, я напомним, именно солнце является их верховным божеством. Солнцем клялась царица Томирис перед боем с Киром, обещая насытить жажду завоевателя, и, сдержав свою клятву, напоила его досыта собственной его кровью. Напомним, что массагеты, по Геродоту, приносят в жертву солнцу лошадей, говоря, что быстрейшему из богов подобает в жертву и быстрейшее животное. Солнце — верховное божество и конь — главный тотем массагетов аккумулярованы в имени рос, рокс, продолжающем и сейчас звучать на территории бывшего расселения массагетских племен.

III. Массагетские аршаниды

Широкое распространение исследуемого имени в период IV в. до н. э. и последующих веков связано с целой серией политических событий, которые должны быть нами подчеркнуты. Самый рассказ Арриана о большом Хорезмском царстве, вызвавший заслуженное внимание со стороны крупных специалистов, как Гутшмид и Бартольд, позволяет заострить внимание на проблеме связей Восточной Европы со странами Востока и, в частности, со странами Средней Азии, гораздо более непосредственных, чем это обычно рисуется в нашей историографии.

Удо недавнего времени среднеазиатские связи Восточной Европы начинали проследиваться со времен арабов. На деле мы имеем более глубокую предисторию этих связей, и, по всей вероятности, сведения

такого серьезного и критического автора, как Арриан, близки к истине, и Фарасман Хорезмийский, действительно, имел основание претендовать на гегемонию над северокаспийскими племенами вплоть до Северного Кавказа.

Для II и I вв. до н. э. мы имеем еще более ясное и четкое свидетельство. Это свидетельство хроники младшей династии Хань. Согласно этой хронике, Кангюйское царство, которое, как мы показали в другой работе,¹ тождественно с Хорезмским царством и охватывало в этот период территорию Хорезма, средней и нижней Сыр-Дарьи, — это Кангюйское царство подчинило себе область аорсов-аланов северного Прикаспия и собирало дань пушниной с народов, обитавших в отдаленной северной стране Янь, в которой, следуя древнему чтению этого иероглифа «арь», мы должны, вероятнее всего, видеть отдаленных предков современных удмуртов — народа «ари» русских источников XVI—XVII вв.²

Повидимому, уже тогда потомки закаспийских массагетов — хорезмийцы — проложили дорогу на далекий тиссагетский северо-запад и привозили шкуры пушного зверя из будущей страны камских болгар, как и во времена Ибн-Фадлана.

В этой связи встает вопрос о возможности привлечения к анализу этой проблемы нового материала, полученного археологическими работами последних лет. Я имею в виду открытый в 1937—1938 гг. древнехорезмийский нумизматический материал — монеты, происхождение которых до того было неизвестно, но первые находки которых были сделаны именно в Прикамье.

Этот же хорезмийский нумизматический материал, охватывающий время с I по VIII вв. н. э., дал нам возможность сделать и более важные выводы, систематизировать царские знаки хорезмийской династии сиявушидов и сопоставить их со знаками других династий, управлявших на Боспоре и в других восточноевропейских областях.

В итоге выяснилось, что тамги сиявушидов не одиноки, что, представляя собой резко очерченный круг форм, тамги определенного комплекса восточноевропейских и восточных государств оказались сводимыми одна к другой.

На прилагаемых сравнительных таблицах типов царских тамг и карте тех областей, в которых эти тамги имели распространение, можно видеть, что хорезмская тамга имеет непосредственное родство с тамгой боспорских царей династии аспургидов, пришедшей к власти в начале нашей эры, в тот период, когда сармато-аланские племена особенно мощным потоком двигались на запад. Даже детали этих тамг (в частности, тип их асимметрии) оказались одинаковыми.

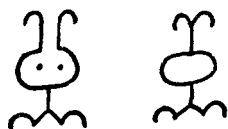
Сведения из китайской хроники династии Тан, что династии, управлявшие всей территорией царства Кан (так в танское время именуется территория древнего Кангюя, т. е. Хорезм, Согдиана и бассейн средней и нижней Сыр-Дарьи), были общего происхождения, подтвердились анализом тамг. Больше того, сведения тех же китайских источников о том, что династия Канского царства и великая кушанская династия «скифских» завоевателей, подчинивших себе Среднюю Азию и Северную Индию, генеалогически связаны между собой, также подтвердились анализом тамг.³

¹ С. П. Толстов. Цит. соч., стр. 8, 21.

² С. П. Толстов. Древний Хорезм. Тезисы, КСИИМК, XIII, 1946.

³ С. П. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. ВДИ, № 4, 1938.

Хорезм

Восточная Европа

Боспор

Боспор

Кривой Рог

Боспор (склеп 1872 г.)

Боспор

Кривой Рог Боспор Смела Мощинск Маяцкое Цымлянск г-ще
 (скл. 1872 г.)
 {
 Цы (Саргел)
 Знаки Рюриковичей

Цымлянское г-ще
 (Саргел)

Знаки Рюриковичей

Цымлянское г-ще

Знак Рюриковичей

Знак Рюриковичей

Таблица I. Сравнительная таблица тамг (родовых знаков)

Наконец, сведения хорезмской и персидской традиции, собранные ал-Бируни, о генеалогических связях парфянской династии аршакидов с хорезмским правящим домом сиявушидов, также подтвердились этим анализом.

В целом мы можем, таким образом, реконструировать целую систему государств, тесно связанных между собой политически, находившихся

X-XII вв

Варианты знака Рюриковичей
(по Рыбакову)

МОЩИНСКИЙ КЛАД Днепроовско - Окская область VI - VII вв	смела	САРКЕЛ (Цымлянское г-ще) Маяцкое городище (по Макаренко)
Тиберий Евпатор (155-171) Начало II в. Савромат II (208) Тоторс (291) Царские знаки династии Аспургианов	СКЛЕП 1872г.	Кривой Рои
БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО II-III в.в.		
Эфталиты V-VI в.	тамги на керамике	Великие Кушаны
Согдиана VIII в	Разновидности тамг на Хорезмийских монетах	Восточный Иран при Сасанидах
Ташкент III в.	КАНГХА = Хорезм I - VIII вв н.э.	ПАРФЯНЕ (НЕСА)

Таблица II. Сравнительная таблица тамг

в тесных политических взаимоотношениях и оформлявших эти взаимоотношения родственной связью между династиями, что было одним из путей, наиболее обычных для дипломатии тех эпох.

Любопытно, что эти выводы подтверждаются свидетельством еще одной литературной традиции, именно — армянской. Согласно армянской литературной традиции, отраженной у Моисея Хоренского, Фавста Византийского и других армянских авторов, существовало четыре

ветви аршакидской династии: парфянские аршакиды, армянские аршакиды, индийские аршакиды (кушаны) и, наконец, еще так называемые массагетские аршакиды, под которыми подразумевались не совсем определенные «правители Севера».¹

Видимо, здесь разумелись, с одной стороны, цари Хорезма-Кангюя, а с другой, — являвшиеся их ветвью боспорские аспургианы. Характерно, что не только традиция, но и политические события, описываемые армянскими источниками, свидетельствуют о тесных династийно-политических связях между этими странами. Мы имеем, в частности, свидетельство о том, что, когда к власти в Персии пришла новая династия сасанидов, низвергшая последнего представителя парфянских аршакидов, царь Армении аршакид Хосров пытался связаться с кушанами и опереться на них в неравной борьбе против сасанидов.²

Если мы учтем расстояние между северной Индией и Арменией, то мы поймем, насколько должны быть серьезными эти связи, чтобы самая эта попытка Хосрова стала возможной.

✓ Итак, мы можем сейчас сказать, что у истоков политической истории нашей страны стоят не отдельные, оторванные друг от друга, возникшие в разных местах политические центры, а некоторая более сложная и мощная политическая система, противостоящая, с одной стороны, западному политическому объединению — Римской империи, распространявшей свое влияние на западные окраины этой системы, и, с другой стороны, на востоке противостоящая третьему политическому центру тогдашнего мира — Ханьской империи Китая. Не единственная, господствующая над миром империя, а две империи плюс разделяющая их система средневосточных государств позднего эллинизма, возглавленных генеалогически связанными между собой массагетско-скифскими династиями, — вот что представляет собой политическая география мира той эпохи.

Учитывая это обстоятельство, древняя история нашей страны должна рассматриваться не как история стихийно взаимодействующих отдельных племен, а как история сложной системы политического взаимодействия могучих древних государств, культурно и политически тесно связанных между собой и с родственными племенами севера, втянутыми в орбиту их экономического, политического и культурного влияния.

IV. Рустам и его двойники

Возвратимся к роксоланской теории происхождения термина «Русь» и к роли роксолан в процессе формирования русской народности. Гипотеза Иловайского (с отмеченными выше коррективами) может быть теперь подтверждена целым рядом внушительных фактов. Прежде всего, как показали новейшие археологические исследования, история культуры поднепровских племен, того центра, где сформировалась впоследствии славянская Киевская Русь, представляет собой в первые века нашей эры процесс интенсивного скрещения местных элементов, связанных с культурной традицией «полей погребальных урн», и степных сармато-аланских элементов.

Существенные выводы позволяет сделать анализ наших сравнитель-

¹ М. Хоренский. История Армении, пер. Н. О. Эмина. М., 1893, стр. 239 и сл.

² Там же, стр. 118—119.

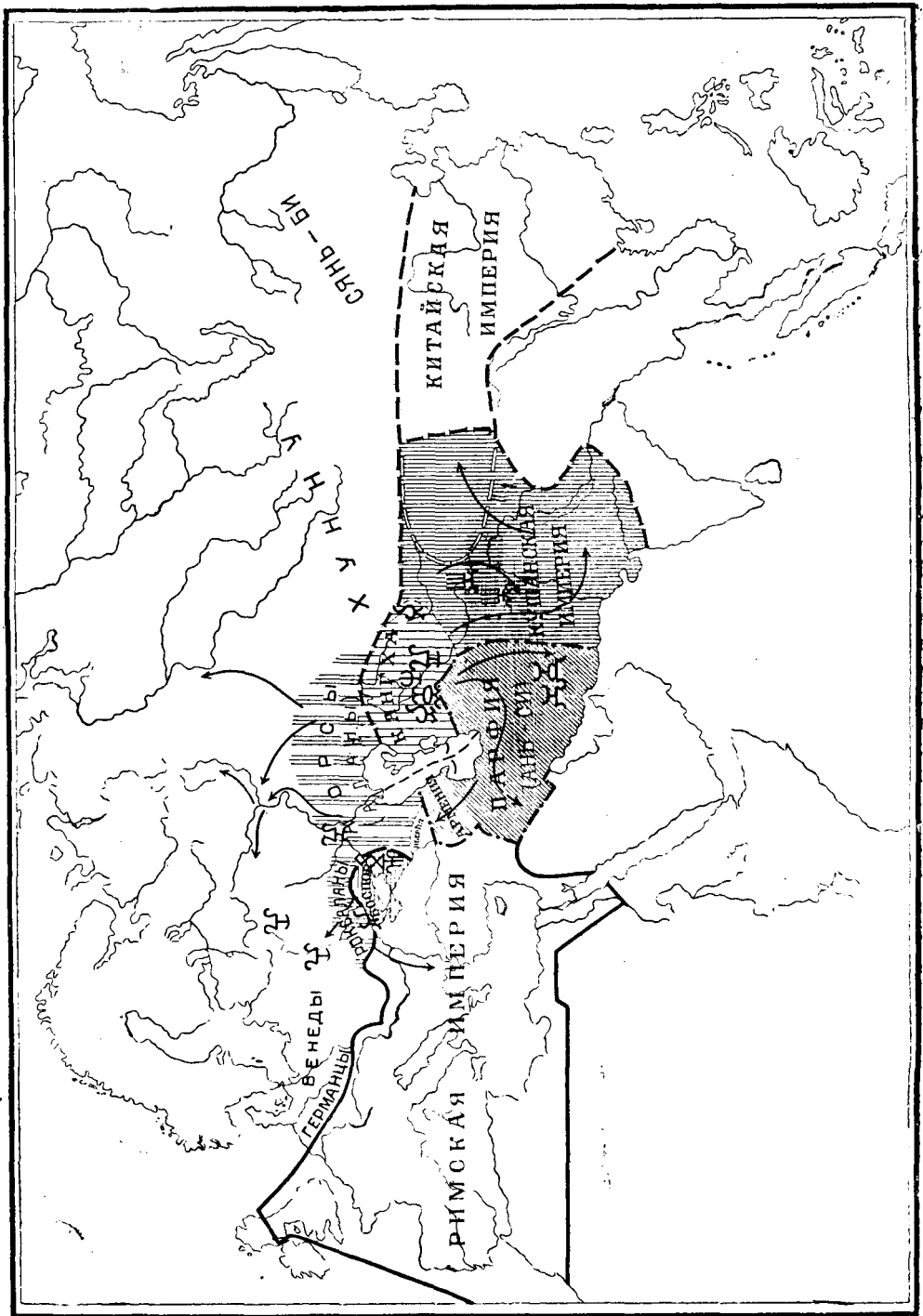

Схема системы позднеримских государств, управляемых скифомассagetскими династиями (начало н. э.)

ных таблиц тамг. Уже Б. А. Рыбаков обратил внимание на родство тамги рюриковичей с тамгами боспорских царей — аспурганов.¹ Установив связь между боспорской тамгой и тамгами древнего Хорезма и других областей системы государств «четырех ветвей аршакидов» армянской традиции, мы имеем возможность протянуть эту нить дальше. Мы можем теперь утверждать, что не только Боспор, но и самое Киевское государство, пусть очень отдаленными линиями политической преемственности, было связано со средневосточным миром массагетско-скифских позднеэллинистических держав, ибо в ту эпоху тамга — символ слишком большого значения, чтобы совпадение могло быть случайным.²

То же, что мы проследили в материальной культуре и в преемственности политической эмблематики, не менее ярко выступает и в области духовной культуры.

В киевском пантеоне, созданном Владимиром накануне христианизации Руси, мы находим имена ряда божеств, несомненно, связанных с сармато-аланской средой. Если имя Хорса-«солнца» и поныне звучит в североиранских языках, как и имя Симаргл — Сэнмурв, недавно подвергнутое блестящему исследованию К. В. Тревер,³ то имя Сварога также является исторически связанным с самим этнонимом сарматов-свайров, являясь, как мы показали выше, носителем того же значения «солнце». Между тем, Сварог — это одно из божеств не только восточных, но и всех славян.⁴

Наконец, в русском былинном эпосе мы находим мощные пласты, восходящие к тем же сармато-аланским эпическим традициям. В этом отношении особенно важен образ Рустама, на русской почве отложившийся в образе сказочного богатыря Еруслана Лазаревича, сохранившего не только имя, но и отчество своего восточного собрата. С другой стороны, по линии сюжетной Рустамиада перекликается с комплексом былин, группирующихся вокруг центрального образа русского былинного эпоса — Ильи Муромца.

Эта связь, раскрытая в свое время Стасовым⁵ и Миллером,⁶ сейчас может быть обоснована еще более широко. Как известно, теория Стасова — Миллера встретила целый ряд возражений со стороны других исследователей. Отмечу, в частности, работу Потанина, который противопоставил гипотезе Стасова о связи образов Ильи Муромца, Еруслана Лазаревича со среднеазиатским и кавказским Рустамом широкий подбор аналогий из эпоса центральноазиатских племен. В имени Еруслана Потанин пытался видеть тюркское слово «арслан» — «лев».⁷

¹ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. СА, VI, стр. 247 сл.

² Анализ семантики комплекса сиявущидских тамг показывает, что в их основе лежит знаменитая «трехфигурная композиция» — богиня (= дерево) + протомы двух коней — тот самый «дако-сарматский элемент», который вскрыт В. А. Городцовым в русском народном творчестве и который лежит в основе орнаментальных мотивов большинства народов Средней Азии и Восточной Европы, воспринявших киммеромассагетскую культурную традицию.

³ К. В. Тревер. Сэнмурв-Паскудж, собака-птица. Л., 1937, стр. 59.

⁴ Ср. культ. «Сварожича» (Zuarasici) у прибалтийских славян по Титмару: Гильфердинг. История балтийских славян, I. М., 1855, стр. 222.

⁵ В. В. Стасов. Соч., т. III, стр. 286.

⁶ В. Миллер. Эскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, стр. 172 и сл.

⁷ Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, стр. 294 и др.; Миллер (166 стр. и сл.) видит в «Уруслан» искажение имени Рустам под влиянием тюркской народной этимологии.

Да будет мне позволено поставить вопрос о том, не звучит ли, напротив, в тюркском слове «арслан» имя Еруслана — Уруслана, ибо на территории древнего расселения тюрков львов не водится и вряд ли это имя принадлежит к особенно древнему пласту тюркской речи.

Характерно, что в политическом центре древних массагетов — Хорезме — образ льва имеет весьма широкое распространение в мелкой прикладной пластике, конкурируя с образами коня и всадника. Именно для Хорезма характерны украшенные головами львов ручки сосудов. Прототип таких львиноголовых ручек мы знаем уже в амударьинском кладе. В других областях расселения сармато-аланских племен типичными, как известно, являются ручки в виде кабана или барана. В связи с этим весьма вероятно предположить перенос на тотемное животное аорсов-аланов и их имени (префиксированного варианта этнонима роксолан), откуда и явно заимствованное в тюркском имя льва.

Большой интерес в этой связи представляет давно занимающая историков русского искусства проблема происхождения знаменитых владимирских рельефов, на которых среди разнообразных реальных и фантастических животных крупное место занимает лев. Бесспорный «восточный» отпечаток, лежащий на этом великолепном памятнике средневекового русского каменного зодчества, его бесспорные сюжетные и формальные связи с кругом «сасанидского» искусства, т. е. среднеазиатско-кавказского искусства I тысячелетия н. э.,¹ особенно поражают при учете огромного хронологического и территориального разрыва. Но если мы вспомним «сасанидских» львов русских народных вышивок, таких же традиционных, как блестяще раскрытые В. А. Городцовым образы богини и всадников, протянувшие нить непрерывной преемственности от искусства древних сарматов и фракийцев-даков нашего юга к крестьянскому искусству русского Севера XIX в.,² если мы вспомним, особенно, львов и другие звериные образы роскошной деревянной резьбы русского Поволжья³ (именно Поволжья, не Севера), то, может быть, проблема станет менее загадочной. Из художественной стихии русского деревянного зодчества,⁴ корни которого уходят в далекую предисторию славянского Поволжья, древнего, никуда не уходившего славянского населения Хазарской державы и прото-славян нижневолжской Сарматии вплоть до птолемеевских сербов, вырастают могучие образы русских (некогда роксоланских) львов каменных рельефов Владимира, протягивающих в XII в. линию идеологической и политической преемственности между массагетской государственностью античности и русской государственностью средневековья.

Надо сказать, однако, что образ Рустама-Ильи имеет свою глубокую предисторию на территории самой Восточной Европы, восходя, видимо, к древней массагетско-гетской, гесп. киммерийской, общности. Образ «скифского Геракла» Геродота тесно связан с образом Ильи-Муромца и Рустама.

Параллельный анализ легенд о «скифском Геракле» и «деве-змее»,

¹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, VI. СПб., 1899, стр. 45, 49 и др.

² В. А. Городцов. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве. Труды Гос. Ист. Музея, I, 1926, стр. 7 сл.

³ С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов. Русское деревянное зодчество. М., 1942, табл. 45, рис. 98.

⁴ Заслуживают внимания несомненные параллели в русской крестьянской резьбе Поволжья и деревянной резьбе до-мусульманской Средней Азии, известной нам по открытым А. Стейном памятникам восточного Туркестана. См. A. Stein. On Ancient Central Asian tracks. L., 1933, p. 49.

о Рустаме, Техминэ и Сохрабе, об Илье, Латыгорке и Сокольнике убеждает в тождестве исходного сюжета, архаический вариант первой части которого представлен у Геродота.

Для понимания смысла всех вышеприведенных наблюдений больше всего нам дает теория происхождения славян, сформулированная академиком А. И. Соболевским в его «Русско-скифских этюдах».¹ Конечно, в деталях его концепция подлежит уточнению, но нам представляется бесспорным, что А. И. Соболевскому удалось лингвистически установить, что в процессе славянского глоттогенеза решающую роль сыграл, с одной стороны, северо-иранский (я предпочитаю говорить о киммеро-скифо-сарматском) пласт и, с другой стороны, пласт, близкий к балтийскому (сейчас можно уточнить — иллиро-балтийский, с которым, вероятно, связан этноним «венеды»).

Во всяком случае, наши выводы целиком совпадают с основными итогами лингвистического анализа в работах Соболевского; несмотря на все различие между методом Соболевского и методом нашего учителя Н. Я. Марра, их выводы не противоречат друг другу, ибо помимо установления тех глубоких доисторических связей между различными народами Афреватии и Америки, которые были раскрыты работами Н. Я. Марра, нужно переходить к установлению более узких территориально и более близких хронологически связей, одна из групп которых прекрасно вскрыта А. И. Соболевским.

Таким образом, мы видим, что и роксоланская гипотеза выступает теперь в новой форме, и целый ряд ранее выдвинутых теорий о культурных параллелях Руси и Востока может получить новое осмысление в свете новых материалов. В частности, это относится к теории происхождения русского былинного эпоса.

Если для дискуссии времен выхода работ Стасова и Миллера вопрос стоял о том, является ли наш эпос заимствованным с Востока — из Индии и Ирана, как считал Стасов, или от тюрко-монгольских кочевников, как думал Потанин, или с Запада, как доказывали их противники, — то теперь стоит вопрос об общности истоков русского, иранского, среднеазиатского эпоса, восходящих к скифо-массагетской и сармато-аланской среде, одинаково участвовавшей в формировании нашего народа и братских народов нашего Востока. Между прочим, чрезвычайно интересен тот факт, что Рустам в иранском эпосе — герой страны, носящей название страны скифов-саков, Сеистана, древнего Сакастана, страны, в которую сакско-массагетская народность сакараваков, как доказал целый ряд исследований, вошла во II в. до н. э. из приаральских степей. В иранский эпос имя Рустама проникает, несомненно, очень поздно, видимо, около времени арабского завоевания.² В Средней же Азии эпос о Рустаме зафиксирован в согдийских письменных памятниках, и, как показали исследования А. Стейна, культ Рустама как божества существовал в Сеистане и Хотане.³

Белязори рассказывает, что, когда арабы пришли в Сеистан, они увидели святилище, посвященное культу Рустама и его священного коня Ракша.⁴ В этой связи любопытно вспомнить, что на средней Аму-Дарье существует теснина, носящая название «Прыжок Дуль-дуля». «Дуль-дуль» — священный конь Алия, четвертого халифа, героя восточ-

¹ А. И. Соболевский. Русско-скифские этюды. Изв. Отд. Русск. языка и словесности Росс. Ак. Наук, XXVII (1922), стр. 321 сл.

² Brown. Literary History of Persia, I, стр. 117.

³ A. Stein. Цит. соч., стр. 65—66.

⁴ Geiger und Kuhn. Цит. соч., II, стр. 140.

номусульманского военного эпоса, который вытеснил всех героев-змееборцев и, в первую очередь, Рустама.¹ Есть основания считать поэтому, что «Прыжок Дуль-дуля» был первоначально прыжком не Дуль-дуля, а Ракша. Таким образом, тождественными оказываются имя коня «Ракш» и древнее имя реки «Аракс». «Прыжок Аракса» — бурная теснина — в легенде осмыслен мифологически как «Прыжок Ракша».

Новый пересмотр исторических источников позволяет также подтвердить гипотезу Ломоносова—Иловайского. Если мы отправляемся от исторических свидетельств, говорящих о роксоланах, и будем двигаться дальше, то мы увидим, что нить исторической преемственности между Русью и роксоланами не прерывается ни на один век. Если у Иордана² мы встречаемся при описании событий IV в. с народом росомонов, непосредственно ассоциирующимся с роксоланами, то у него же при описании тех же событий мы встречаемся с явно параллельным именем антов. А уже в VI в. мы находим первое упоминание народа «рос» у сирийского писателя Захария Ритора.³ У Табари-Балами⁴ мы встречаемся уже с «руссами» на Северном Кавказе в непосредственном соседстве с хазарами при описании арабо-хазарских столкновений VII в.

При этом чрезвычайно интересным является тот перелом, который происходит между V и VI вв. в самом образе роксоланов и пришедших к ним на смену руссов. Если раньше роксоланы выступают как тяжело вооруженная конница (в другой своей работе⁵ я показал, как, начиная с IV в. до н. э., так называемый «сарматский» тип военного доспеха проникает именно из Средней Азии от древних массагетов в Черноморье, так же как и в Переднюю Азию и в Китай), то в VI в. эта роксоланская тяжелая конница сменяется русской пехотой. Уже Захарий Ритор дает нам любопытнейший образ могучего пешего народа, которого «кони носить не могут». И эта традиция проходит потом

¹ О мифологических корнях образа Алия см. нашу работу «Очерки первоначального Ислама» (Сов. этнография, № 2, 1932). Заслуживает внимания параллелизм русского Ильи, хазарского богатыря Ильяса, сына Михраса Фирдоуси (см. Миллер, цит. соч., стр. 191) и восточномусульманского Алия. Поражает ономастическая близость и близость образов героев при полной неясности причин ассоциации их в первом и втором случае с библейским пророком, в третьем — с мусульманским халифом, образы которых в канонической традиции ничего общего с нашим сюжетом не имеют. Оставляя до специально подготовленной нами работы детальный разбор этой контрверзы, ограничусь пока выводами: русский Илья, хазарский Ильяс, среднеазиатско-иранский Али — это контаминация имени библейского пророка в двух первых случаях и арабского халифа — в третьем с древним, одним и тем же во всех случаях сармато-аланским именем, видимо, звучавшим Элья или Илья и в южноиранских языках имевшим закономерное соответствие в форме Айрья — «герой», «воин» (соответствие алаано-осетинского *il* древнеперсидскому *aig* доказал В. И. Аббаев). Это лишь эпитет к собственному имени героя, выступающему в прозвище русского богатыря — Муромец, Муравленин и в отчестве хазарского богатыря — «сын Михраса». В этом последнем варианте наиболее ярко раскрываются мифологически-ономастические связи Ильи. Михрас — среднеперсидское, эфталитское, вообще раннесредневековое произношение имени солнечного бога — воина, драконоборца Митры, персонализации «непобедимого солнца массагетов». Переход раннесредневекового *ih* → *u*, (*Mihr* → *mur*) при соседстве с губным — явление вполне закономерное для иранской фонетики (ср. Seiger und Kühn, цит. соч., I, 2, стр. 29). А это дает нам отправную точку для формулировки равенства Митра = Рустам.

² Iordanis. De origine actibusque Getarum. XXIV.

³ Н. В. Пигулевская. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа. ВДИ, № 1 (6), 1939, стр. 114 сл.

⁴ А. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 74.

⁵ С. П. Толстов. Древняя культура Узбекистана. Ташкент, 1943, стр. 24—26.

через всю последующую мусульманскую литературу, продолжая жить много веков после того, как русские вновь стали «конным народом». Отсюда, между прочим, и образ гиганта-дикаря в «Искандер-Намэ» Низами. Любопытно, что даже сюжет борьбы руссов с амазонками тянется от Захария Ритора к Низами, воплощаясь у последнего в описание поединка пешего гиганта-дикаря из рядов руссов с прекрасной «китайской» амазонкой-лучницей, будущей возлюбленной Александра.

Видимо, в этих событиях отражен новый исторический этап в процессе слияния степных и лесных протославянских (роксоланских и венедских) элементов.

Однако, несмотря на то, что как раз в ту эпоху происходят крупнейшие события, связанные с падением Римской империи на западе и Ханьской империи на востоке, с широким движением кочевых народов из Центральной Азии на запад, перетасовывающих всю этнографическую и политическую карту, эта перетасовка оказывается лишь поверхностной, лишь внешне изменяя из древности идущие этно-исторические пласты. Старые связи продолжают существовать, они восстанавливаются снова и снова. Угорские и тюркские элементы, внедряющиеся с востока в Нижнее Поволжье, Предкавказье, Причерноморье, лишь тонким слоем ложатся на древний сарматский, к тому времени в значительной степени славянизированный субстрат, культурно быстро ассимилирующий пришельцев или вынуждающий их искать новых мест, где, в конечном итоге, их постигает та же судьба, как, например, венгров, которые, сохранив в сильно измененном виде свой угорский язык, по культуре оказались почти нацело ассимилированными древним славянским населением страны.

Есть все данные предполагать, что сложившееся на базе древнего сармато-аланского, resp. роксоланского и аорского, населения северокавказское, подонское и нижневолжское славянство, политическую традицию которого несла еще в средние века приазовская Русь, продолжало жить в составе хазарских и болгарских политических объединений, оставшихся сармато-славянскими под тонким внешним покровом гунно-тюркских политических форм.

Не случайно в X в. царь волжских болгар Альмош именует себя «царем славян».¹ Не случайно славяне составляют вряд ли не основную массу населения хазарской столицы — Итиля. Не случайно орда северокавказских болгар Аспаруха (кстати, носящего имя, являющееся лишь вариантом имени эпонима — основателя боспорской сарматской династии Аспурга), вторгшаяся в Мизию, очень скоро оказывается чисто славянским народом, причем чрезвычайно близким именно к восточным славянам, что было бы мало вероятно, если бы славянский элемент мизийских болгар был балканского происхождения. Вторая гипотеза Иловайского — о славизме древних болгар, пропущенная через фильтр исторической критики, оказывается не менее плодотворной, чем его роксоланская гипотеза.

✓ Имя «гуннов-савилов» Предкавказья, севордик Армении, суваров камской Болгарии и наших балканских северян — имя одного народа, вошедшего в разные политические образования раннего средневековья и сохранившего в наиболее чистом виде древнее имя савро + матов.² И если мы в этой связи вспомним гипотезу Миллера,³ хазарскими связями объясняющего появление библейского имени древнего героя

¹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Л., 1939, стр. 196 б.

² Сопоставление савроматов, северян и савилов см. у Иловайского, цит. соч., стр. 279.

скифо-славянского эпоса — Ильи Муромца,¹ то эта гипотеза тоже получит право на извлечение из недр забвения. В образе «старого казака Ильи Муромца» перед нами встанет герой юго-восточной степной «Хазарской» Руси, задолго до возвышения Киева несшей на себе тяжесть вековой борьбы с вторгшимися с востока ордами центрально-азиатских кочевников, действительный прообраз героев будущего казачества XVI и следующих веков. И в эпитете «казак», прочно сросшемся с образом Ильи, мы не можем не видеть лишь видоизменение древнего имени «хазар»² с тем же значением — «воин, охраняющий границы народа».³

V. Путь в Хвалиссы

Традиция восходящих к киммерийской эпохе и красной нитью проходящих через античность среднеазиатско-русских связей не рвется и в средние века.

В X в. и позднее Русь поддерживает теснейшие отношения с древним политическим центром массагетско-аланского объединения — Хорезмом, который еще не раз пытается претендовать на роль гегемона и политического арбитра Юго-Восточной Европы.

Хорезм для Руси X—XI вв. отнюдь не был далекой загадочной страной. Описывая географию Руси, автор начальной летописи пишет: «Ис того же (Оковьского) лся потече Волга на Вьсток и вытечет семьюдесять жерл в Море Хвалисьское (вариант Хвалимское). Тъм же и из можеть ити в Болгары и в Хвалисы и на вьсток доити в жребий Симов».

Основной путь из Руси на восток лежал по Волге в Хорезм, ибо название «Хвалимское» или «Хвалиское море» является, как давно доказано, русским произношением имени «Хорезмское море». Для соседей Руси, печенегов, «мусульманин» и «хвалис»-«хорезмиец» были понятиями равнозначными.⁴ Хазария, сыгравшая такую большую роль в первоначальной истории Киевской Руси, находилась в тесных сношениях не только с юго-восточными славянскими племенами, составлявшими по существу ее этническую базу, но и с Хорезмом. Так, мы имеем сведения Ибн-ал-Асира о том, что, когда Хазария переживала последний период своей политической истории, распадаясь под ударами руссов и тюркских кочевников, ее правители обратились за помощью к Хорезму и получили ее, при условии принятия ислама. Мы знаем, по Ибн-Хаукалю, что после похода руссов 969 г. хазары бегут через Каспий на Мангышлак, а потомки этих хазар до сих пор сохранились на территории приамударьинских Каракумов в виде туркменского племени хызр-или.⁵ Мы знаем, что эмир Ургенча ал-Мамун делает в эти же годы попытку завоевания Хазарии и подчинения ее Хорезму.⁶ С другой стороны, через Хазарию пролегает путь непосредственных сношений

¹ Миллер, цит. соч.

² Филологически связь этих имен установлена Гомбоцем (Mémoires de la Société Finno-Ougr., XXX, 1912); Рамstedом (Zur Frage nach der Stellungd. Tschuwaschen, 1922 стр. 32 и Марром, ЖМНП, 1915; см. его же: Чуваши — яфетиды на Волге, 1926, стр. 43, 61.

³ Имя хаз'ар' — каз'ак' входит, несомненно, в круг социально-этнических терминов, исследованных нами в нашей статье «К истории древнетюркской социальной терминологии». ВДИ, № 1, 1938.

⁴ Изв. ал-Бекри. Изд. Куника и Розена. Текст 43, перевод 60.

⁵ Уже Ховорс сопоставляет племя адаклы-хызр, упоминаемое Абульгази, и хазар. Н. Noworth. The Khazars were they Ugrian or Turks? Труды III Междунар. съезда ориентал. в СПб., 1876, II, стр. 139.

⁶ Гаркави. Сказания мусульманских писателей. СПб., 1870, стр. 282.

Руси и Хорезма в IX—X вв. Недавно открытый В. Ф. Минорским и исследованный у нас Б. Н. Заходером¹ текст Марвази дает более раннюю версию рассказа Ауфи² о принятии Русью ислама при Владимире Святом.

Этот рассказ, повидимому, восходит к хорезмскому источнику начала XI в. Если это (что весьма вероятно) — утраченная «История Хорезма» ал-Бируни или другой труд этого автора, то изложенное там должно соответствовать историческим фактам, и этот рассказ, говорящий о деятельности хорезмских миссионеров в Киеве, об одном из этапов религиозной политики Владимира, связанном с колебанием в сторону ислама, представляет для нас первоклассный интерес.

Да и сама Хазария — своеобразный синтез различных этнических элементов; ее столица заселена не столько хазарами, сколько славянами и хорезмийцами, причем самое любопытное, что хорезмская наемная гвардия хазарского кагана носит в качестве имени один из вариантов того же названия «Русь». Название этой гвардии «арсия» — вариант имени аорсов, звучащего и в арабской передаче имени третьего центра древней Руси — Арсания.³

Несомненно, это же имя запечатлено в названии мордвы-эрзи, потомков тех раннесредневековых буртасов, которые выступают в рассказе Низами рядом с руссами, аланами и арками.

Мы знаем, что хорезмские колонии, помимо Итиля, существовали и в волжском Болгаре, где опять славяне и хорезмийцы сталкивались между собой.

Мы уже отметили выше, что связи Хорезма с областью волжских болгар восходят к глубокой древности. Находки эллинистических хорезмийских монет и художественных изделий локализованы именно в Прикамье, как и находки хорезмийских изделий VII—VIII вв.

В другом нашем исследовании, еще в 1931 г., мы показали глубокую общность в материальной культуре (в первую очередь в одежде) потомков закаспийских массагетов — туркменов,⁴ с одной стороны, и группы поволжских народов (удмуртов, чувашей, горных мари и некоторых групп мордвы-эрзи) — с другой.⁵ Характерно, что наиболее резко этот комплекс выступает у одной весьма своеобразной группы удмуртов, так называемых «бесермян», имя которых представляет собой хорезмское произношение слова «мусульман». А если мы учтем, что еще в XIX в. сохранялась традиция о происхождении этих «бесермян» из «Хивы»,⁶ то не будет ничего невероятного в том, что в лице их мы имеем потомков одной из древних хорезмских колоний в стране «Ари».

¹ Изв. Всес. геогр. об-ва, VI, 1943.

² В. В. Бартольд. Новое мусульманское известие о русских. ЗВО. IX, 1896, стр. 262; Е го же. Арабские известия о руссах. Сов. востоковедение, I, М.—Л., 1940, стр. 39.

³ Вряд ли возможно согласиться с принятым у нас чтением — Артанья. В рукописях мы, как правило, имеем не ت, а ث, не رثيه, آ, а رثيه, آ, а ث в арабской передаче неарабских слов, в особенности при учете иранской информации, должно заменять какой-то свистящий звук, вероятнее всего — йотированное S. Видимо, в арабском Арсания мы должны видеть Ars'an + iya от Arsi(—y—)an.

⁴ С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, № 1, 1938.

⁵ S. P. Tolstov. Les principales étapes du développement de la civilisation tierioukhane. Eurasia Septentrionalis Antiqua. VI, 1931, p. 16, ff., fig. 10a, 11, 12.

⁶ Н. В. Никольский. Сборник исторических материалов о народах Поволжья. Казань, 1919. 76: Д. Корепанов Бесермяне. Сб. «На удмуртские темы». М., 1931, стр. 99.

Надо сказать, что в создании средневекового и позднейшего населения Арало-Каспийского бассейна и более восточных областей связь древних аорсов и славянских руссов нашла свое отражение. Тюркская форма «урус» является закономерной разновидностью восточно-аланской — аорс.

Отметим также, что Потанин в своей полемике против Стасова и Миллера привел целый ряд образов так называемых «русских богатырей» в эпосе бурятского и других народов Центральной Азии. Сейчас эти богатыри осознаются как «русские», но анализ их образов, проделанный тем же Потаниным, не оставляет сомнения в их древности, несомненно, предшествующей соприкосновению центральноазиатских народов с русскими в современном смысле этого слова. Вряд ли не таково же происхождение и «руссов» Низами, которые явились отправными для моего исследования.

* * *

Мы далеко не исчерпали поистине безграничного богатства поставленной нами темы. Мы взяли лишь одну (правда, весьма немаловажную) из многих линий исторических связей Руси и народов советского Востока. Но выбор, определяемый, естественно, и специальностью автора, все же может быть обоснован и тем, что при всей важности древних среднеазиатско-русских, уже — хорезмско-русских связей, эта тема была совершенно не разработана, если не считать нескольких мимоходом высказанных замечаний В. В. Бартольда и весьма богатых интереснейшими идеями, но крайне устарелых по материалу и методу работ В. В. Григорьева.

Не менее (а может быть и более) богатую жатву дала бы разработка линии Русь — Кавказ, затронутая нами лишь постольку, поскольку она переплетается с нашей основной линией.

Мы лишь вскользь могли остановиться на вопросах зрелого русского средневековья, которое дает не менее значительный исторически и неизмеримо более богатый количественно материал для нашей темы. Но, естественно, мы не могли не ограничить себя, предпочитая вместо того, чтобы коснуться всего понемногу, исследовательски углубить хотя бы одну из сторон проблемы. Пусть наш материал ограничен, но и на нем мы можем видеть, что древняя политическая, хозяйственная и культурная история настолько тесно переплела исторические судьбы народов различных областей нашей великой страны, что совершенно не случайно те же политические объединения, которые создавались на заре истории, многократно возобновлялись на той же (или близкой) территориальной основе.

В самом деле, завоевание Святославом Хазарии, походы руссов X в. за Каспий в свете этих древних связей должны рассматриваться нами как реализация одной из важнейших тенденций хозяйственного, культурного и политического развития народов нашей родины, начиная с первых шагов их истории.

Период феодальной раздробленности ослабил, естественно, эти связи, но порвать их не смог. И не случайным поэтому является объединение Хорезма, Поволжья, Черноморья, Предкавказья и Руси в рамках Золотоордынского государства. Хотя оно сложилось в результате вмешательства внешней силы, но составные его элементы были связаны между собой прежде и остались связанными и тогда, когда эта внешняя сила сошла на-нет. Не случайно сама Русь, оставив позади себя

период феодальной раздробленности, реализовала старые замыслы Святослава и вновь в расширенном виде восстановила то политическое единство, которое намечалось на заре нашей истории.

Народы востока и запада нашей страны связаны между собой глубокой общностью исторических судеб, древнейшими и многообразными культурными связями. Многократно в течение тысячелетий эти народы входили в состав общих политических объединений, распадавшихся и вновь возникавших, пока Великая Октябрьская Социалистическая революция не завершила этого процесса созданием братского Союза народов нашей страны.

Истоки культуры Руси, как и истоки культуры остального славянства, восходят к истории многовековых взаимоотношений народов северных областей нашей страны с ее южными районами, создавшими в древности свою могучую государственность, цветущую и своеобразную культуру, занимающую достойное место в культурной истории человечества.

Л. А. Мацулевич

Аланская проблема и этногенез Средней Азии¹

I

Почти в то самое время, когда в прикавказских районах Европы и в прилегающих к ним с востока областях, вплоть до Приаралья, слагалась в порах сарматского объединения огромная аланская военно-демократическая конфедерация племен, Птолемей (II половина II в. н. э.), вероятно, следуя традиции своего предшественника Марина (I треть II в. н. э.) или еще более ранней,² письменно фиксирует представления греко-римского мира о Восточной Европе как о двойной Сарматии. Последняя состоит у него, как известно, из Европейской Сарматии — к западу от Дона, поскольку Дон считался в то время восточной границей Европы, и из Азиатской — к востоку от Дона, до Волги.³ Подобное увековечение имени сарматов как раз в то время, когда близился крах сарматской знати, возглавлявшей сарматское политическое объединение племен, и незадолго перед тем, как имя сарматов исчезнет из обращения в самом исконном центре их (на Северном Кавказе, в Прикубанье и в Придонье) и будет перекрыто именем алан, — отнюдь не свидетельствует об отсутствии у Птолемея-географа исторической перспективы или о некритическом повторении им более раннего источника. Отраженные в его сочинении представления греко-римских информаторов о все еще ведущей культурной, объединяющей роли сарматов на северо-восточной периферии античного мира соответствовали действительному положению вещей и во времена Птолемея.

Историческая роль сарматов была поистине значительной. Она не оборвалась вдруг. С их именем связан один из определяющих периодов в длительном процессе взаимосвязей юго-востока Европы и северных

¹ Переработанный доклад на сессии АН СССР по этногенезу Средней Азии (Ташкент, 1942 г., август).

² Ср. представление о Сарматии (европейской) в Хорографии Помпония Мелы (около 44 г. н. э.): на западной границе «она отделена от соседних стран рекой Вистулой (Висла) и, спускаясь вниз, доходит до реки Истра (Дунай)» — кн. III, 33, ср. III, 55 (В. В. Латышев, *Scythica et Caucasica*, т. II, СПб., 1904, стр. 123, 126); ср. Геродот, кн. III, гл. 97; кн. IV, гл. 45.

³ Птолемеевой традиции следует часть западноевропейской историографии позднего средневековья. В частности, название «Сарматия» в применении к древней Руси и к России сохраняется до Матвея Меховского (1517 г. — «Трактат о двух Сарматиях». М.—Л., 1936) и даже до рубежа XIX в. у Яна Потоцкого (1761—1815 гг.) — *Essai sur l'histoire universelle et recherches sur la Sarmatie*. Варшава, 1789—1792; *Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves*. Брауншвейг. Берлин, 1796; *Histoire primitive des peuples de la Russie*, СПб., 1802.

областей Средней Азии, Узбекистана в частности. Наследие сарматов, результаты их культурного и политического расцвета и окончательно определившихся при них связей оставались действенными не только на ближайший от них отрезок времени, но на долгие века. Нерушимость сарматского единства прикавказского юго-востока Европы обусловит впоследствии органическое включение Придонья в Хазарскую державу; именно это восходящее к сарматам единство будет воспринято арабскими писателями IX—X вв. (Джайхани) как этническая реальность, как одно из трех основных слагаемых русского государства — Артания. Без уяснения исторического места сарматов оказались бы без надлежащего освещения и проблема алан, и ряд фактов в истории славян, и многие стороны этногенеза народов Средней Азии. Здесь древнейшим историческим следом сарматов обычно считается воспевание в Авесте «мужей праведных сайрима» и «жен праведных сайрима».

Авеста, только в одном гимне которой есть упоминание народа «сайрима», не дает географических указаний. Толкование «страны сайримов» как азиатских провинций Римской империи, как Запада, приняло конкретные очертания не при сложении Авесты, а значительно позже, уже на ином историческом этапе, в эпоху новых политических устремлений Ирана. Оформилось же это толкование на основе древних саг о разделении царем Феридуном некогда якобы единого иранского мира на три части по числу трех его сыновей. Родственные саги вошли затем и в Шах-Намэ Фердоуси. Авеста в своем упоминании сайримов хранит седую старину действительных соприкосновений и соседства подлинных творцов этого свода религиозных представлений и культовых образов с областями, уходящими от Хорезма, от Приаралья и от Прикаспия к северо-западу и западу до просторов Дона. Наименование «сайрима» может быть отождествлено с насельниками степей как раз к востоку от Дона — с савроматами, или сарматами. Они жили здесь с незапамятных времен. В этих местах их застает в V в. до н. э. «История» Геродота, здесь их знают последующие греческие и римские писатели, а Страбон (I в. н. э.) даже прямо называет «сарматскими равнинами» пространство к северу от Кавказа.

Раскинувшиеся по всему краю укрепленные поселения, так называемые городища, окружающие их могильники и курганы, — все они при археологических исследованиях полностью подтверждают, что культурная жизнь интенсивно развивалась здесь на протяжении долгих веков. В ней не было никакого перерыва, по крайней мере с конца V в. до н. э. вплоть до первых веков нашей эры; не наблюдается также ни резкой, ни внезапной смены культур. При дальнейших полевых исследованиях, вероятно, будут вскрыты и еще более древние слои поселений, непрерывно объединенные с последующими. Отсутствие перерыва свидетельствует, что не было ни прихода завоевателей, который нарушил бы однообразное течение жизни и потребовал бы времени для восстановления ее; не было ни значительного притока чужеродных племен со стороны с иной культурой, ни смены насельников этих мест. Прикубанье и Нижнее Придонье оставались стародавним сарматским центром.

Греко-римский мир связывал имя «сармат» с конкретной политической организацией того времени — с сарматским военно-демократическим объединением племен в Северном Прикавказье и, кроме того, также и с отдельными конкретными племенами в пограничных или вообще в важных для империи районах. Греко-римский мир встречал имя сарматов и на Дунае, и в Причерноморье, и на Кавказе. Территория Восточной Европы оказалась отождествленной греко-римским миром

с Сарматией, причем в ней различались две части: Европейская Сарматия — к западу от Дона, и Азиатская — задонская. Однако племена, известные на всем этом огромном пространстве под именем сарматов, не были этнически идентичны. Так, под сарматами, упоминаемыми античными авторами при описании событий первых веков нашей эры в придунайских провинциях империи, кроются сложные образования на местной скифской и дако-кельтской основе. Они, как это особенно наглядно проявляется на археологическом материале, не тождественны с племенами сарматского юго-востока, с теми сарматами Прикубанья и Придонья, которые составляли основное ядро собственно сарматского или савроматского прикавказского объединения. Границы территории последнего не были устойчивыми и пока в точности не известны ни для одного из периодов. Племенной состав его не был постоянным и неизменным. Единой, прочной организации оно не имело. Тем не менее сарматское единство прикавказского юго-востока Европы было действенным и мощным; территория его ширилась; оно охватывало и прилегающие районы Средней Азии.

Но термин «сармат» был связан не только с теми конкретными политическими единицами, с которыми соприкасался или о которых был наслышан греко-римский мир. Он появляется в местных наименованиях, непосредственно не зависящих на данном историческом этапе одно от другого. Этот термин, как однажды выразился Н. Я. Марр, наличествует и там, где «пребывание сарматов ни одним автором повестей минувших дней не удостоверено». Например, название гор «Карпат» является лингвистически не чем иным, как разновидностью термина «сармат». Тем самым наименование Карпатских гор говорит о не вполне еще раскрытых исторических связях, как, впрочем, и все Прикарпатье и все Придунавье сигнализируют о многочисленных, не вполне еще уловленных связующих нитях.

Так, у римского писателя Лукана (середина I в. н. э.) упоминается «варварская Кона» на рукаве Дуная, где он «теряет сарматские воды». В одной из рукописей схолий к Лукану указывается, что наряду с этой дунайской Коной существовала и другая: «государство или страна в крайних пределах Европы у сарматов». Не случайно, конечно, что в том тексте, где речь идет о дако-скифских районах Причерноморья, о территории гетов, вдруг (казалось бы, без прямой нужды и без непосредственного отношения) заводится речь о параллельно существующей восточной «Коне». Не скрывается ли под этой предельно дальней Коной имя среднеазиатской Канки («Кангюй» китайской транскрипции) — государства и страны в этнонимически родственной дахомассagetской среде Средней Азии?

В самом деле, при наличии Коны Лукана и наряду с ней получает особое значение название селения Концешты, тоже в бассейне Дуная, хотя еще не исследовано, к какому времени восходит данное топонимическое имя. В слове «Конц-ешты» лежит тот же термин, только в более полной форме «конц» (Konč), закономерно восходящей к среднеазиатскому «Kank»: Konč ← Konk ← Kank (Kankh). Наличие такой неусеченной формы в названии Концешты лингвистически оправдывает зависимость наименования придунайской «Коне» от имени «Kankh». Это те Концешты, где обнаружено погребение, относящееся ко времени около 400 г. н. э., замечательное тем, что оно связано с рекой; это те Концешты, где наряду с прочими предметами в погребальном инвентаре находилась драгоценная накладка на ремень конской сбруи, представляющая собой птице-рыбу. По самому обряду погребение варварского князя в Концештах связано со сложным сарматским обрядом,

открытым, в частности, на р. Судже, сохранившимся на юго-востоке Европы до X в. н. э. — вплоть до времени Ибн-Фадлана. Погребение это, требовавшее навыков в устройстве хотя бы простейших гидротехнических сооружений типа головных устройств оросительных каналов, могло технически базироваться на многовековом опыте ирригационных работ соседящих областей Средней Азии и Закавказья.

Пережитки культового отношения к реке, явно выступающие в этом обряде, наряду с космической птице-рыбой на конской сбруе, поднимают перед нами не только образ яфетического коня-птицы, но и образ коня-реки, пережиточно сохранившийся, между прочим, в древнем названии реки Свани и Западного Кавказа Цхенис-цхали, по-гречески ἵππος — Конь-река. Быть может, усеченная форма лукановой варварской «Копе», вместо «Капка», привилась на Дунае (самое наименование которого связано, в свою очередь, с сарматской рекой «Дон» — «Танаис» и многочисленными Домами Кавказа) как раз под воздействием широко распространенного яфетического слова «hone» — русского «коня».

Не следует и в этом случае замалчивать древнейшие, еще доиранские позывные сигналы из Средней Азии, не только лингвистические. Как раз в районе Канки конь был одним из тотемов. Пережитками его культа (особенно в дахо-массагетской среде) полна последующая история. Мы не должны оставаться глухими к словам Геродота: «из богов массагеты чтут только солнце, которому приносят в жертву коней». Схолиаст, толкуя соответствующее место Лукана, отразил имевшиеся у него неполные и смутные сведения о реально существовавшем, приблизительно в его время, по соседству с дальними сарматами крупном среднеазиатском государстве Канке-Кангюе, идентифицированном С. П. Толстовым с Хорезмом. Но исходил-то Схолиаст при этом из наличия в Придунавье географического названия, являвшегося наследием древнейшего языкового напластования в культуре Причерноморья.

Придунавье на каждом шагу поднимает из бездны веков нити общности не только с юго-востоком Европы, но и со Средней Азией. Они гнездятся еще в яфетическом, доиранском пласте культурных, языковых и племенных соприкосновений и скрещений, утраченных преданием. Самому названию Балкан, кстати сказать, созвучны горы Большой и Малый Балхан в восточном Прикаспии (в районе Красноводского залива), хотя вопрос о времени появления этих названий еще не исследован. Среди всех подобных терминологических корреспонденций со Средней Азией особенно показательно для понимания этногенеза сарматов, что как раз термин «сармат» почти не встречается ни в этнонимике, ни в топонимике именно Средней Азии. К тому же ни лингвистически, ни филологически не доказано, будто термин «сармат» появляется здесь раньше, чем в Предкавказье, и что конкретные носители его савроматы-сарматы происходят из Средней Азии.

В защиту последнего мнения, казалось бы, можно выдвинуть то, что название сайримов в 13-м яште Авесты начинается с буквы «с». В случае же заимствования его с Северного Кавказа или проникновения его оттуда начальной буквой должно бы быть «ш», так как подлинное звучание слова было предположительно «шармат». Только греки и римляне, не имевшие в своем алфавите графемы «ш», ввели в употребление слово «сармат». Но вопрос о туземном произношении «шармат» еще далеко не решен; к тому же могли быть и диалектические различия. Однако попытка объяснить термин «сармат» всецело из иранского языка, предпринятая в свое время Вс. Миллером, кроме сближения по созвучию начала слова «сар» с иранским «Sarah» (голова),

не увенчалась успехом. Другие части слова, а, следовательно, и все оно в целом, остались самому автору, по его словам, «не ясны».

Ниберг, исходя из той же этимологии слова, толковал иранское «Sarah» в применении к наименованию сайримов в переносном смысле как «высший», «господствующий». Поэтому Ниберг считал, что слово «сарима» в целом могло быть просто переводом названия «царские скифы». Еще более абстрактное лингвистическое объяснение принадлежит Андреасу. Он считает, что «сауромат» образовалось из Sau + гом, что означает «черноволосые».

Термин «сармат» все же может и поныне быть выявлен на почве Средней Азии. Название туркменского племени йомудов «Jomut», как первым показал проф. С. П. Толстов, оказалось вполне закономерным вариантом «Sarmat». Самый термин, несомненно, древний, но научно еще не установлено, к какому конкретно моменту в истории сарматов восходит появление в живой речи этого термина (в письменный источник он попадает очень поздно: впервые, поскольку ныне известно, лишь в XVII в. у Абульгази) и с какой исторической обстановкой он генетически связан. Восходит ли этот термин непосредственно к древнему племенному наименованию, при этом связанному с территорией Средней Азии, или к названию политического объединения — сарматского военно-демократического объединения племен, или, наконец, к моменту становления сарматской культурной, языковой и этногонической общности, когда понятие «сармат» должно было указывать на включение в сарматское единство, на причастность к сарматской культуре?

Поучительны в этом отношении следующие параллели. Термин «йомуд», как разновидность «сармат», по своему характеру палеонтологически вполне совпадает с названием приволжского народа удмуртов. Нельзя при этом не подчеркнуть, что последние живут приблизительно в районе древних тиссагетов, самое наименование которых корреспондирует с массагетами, с территорией которых связаны и йомуды. Как вариант термина «сармат», наименование «удмурт» могло бы быть наследием древнейшего яфетического вклада в языке. Н. Я. Марром было установлено, что наряду с объединяющим названием «удмурт» одна часть народа называется калмезами, а вторая — ватками (вотьяками). «Нечто подобное с теми же племенными названиями, — писал Марр, — происходит и у черемисов: народы со стороны называют их *žeremis*, *žarņas* (по-чувашки), т. е. сарматами, а сами себя они называют *marī*.

Два генетически не совпадающих названия одного народа, причем одно личное, другое «стороннее», могут быть исторически объяснены различно в каждом конкретном случае. В рассматриваемом случае второе название — не то, которым они сами себя называют, не личное, а, так сказать, название со стороны, могло закрепиться за данными народами в результате тесного соприкосновения с сарматским политическим объединением или в результате вхождения в него, или частичного подчинения сарматам хотя бы в виде данников. Удмурты и мари — отнюдь не сарматы античных географов. К тому же на глухой окраине тогдашнего сарматского мира они, казалось бы, ничем в то время не выделялись, чтобы обеспечить имени сарматов живучесть на тысячелетия, после того как перестала существовать возглавляемая ими политическая организация и даже самое имя на территории собственно сарматов было быстро вытеснено именами других выдвинувшихся племен. По этому поводу могут быть повторены слова Плиния, сказанные им про скифов: «старинное наименование не осталось ни у кого другого, как у племен, которые занимают самые отдаленные страны и почти не известны прочим смертным».

Что же касается наименования племени йомудов, то генезис его, возможно, имеет отношение не столько к принадлежности к сарматскому политическому объединению племен, сколько к складывавшемуся сарматскому культурному единству.

По догадке, недавно высказанной проф. С. П. Толстовым, термин «сармат» скрыт в лингвистической среде Средней Азии в двучастном названии Хорезма — *Xore + zem*. Первая часть «хор(е)» из «хаг», действительно, — всего лишь спирантская разновидность «sag». По мнению проф. Толстова, мы имеем в данном случае дело с родством не одного первого слагаемого, а с лингвистическим тождеством обоих слов в целом: сар-мат — хор(е)-зм. Вторые слагаемые их параллельны в смысловом отношении: в первом случае — народ саров, во втором — земля, страна саров (харов). Однако, при всей, казалось бы, очевидности этой догадки заманчивое по намечающимся перспективам открытие проф. Толстова еще не может приниматься за окончательный вывод в части отождествления сарматов, поскольку историческое соотношение обоих названий (этнонимического и топонимического) остается полностью еще не исследованным, особенно на хронологическом этапе сарматской военной демократии, с одной стороны, и государства Хорезма — Кангюя, — с другой.

Что же касается Причерноморья и Кавказа, то термин «сармат» или «шармат» в чистом виде там распространен широко и корнями уходит в глубину времен. Даже литературная история знает его уже с V в. до н. э.; первоначальная же письменная фиксация восходит по крайней мере к VI в. — к источникам Геродота, Гекатею и Аристее. В варианте «савр-мат», зафиксированном в письменных памятниках более раннего времени, главная часть термина находит прямую параллель в крымских «тавр-ах». «Савр» — «тавр» — два равноценных ростка из общей яфетической подпочвы Черноморья.

Любопытно, что имя славянского балканского народа «хорват» лингвистически, по словам Н. Я. Марра, не что иное, как разновидность термина «сармат», по форме близкая к названию «Карпат». Сарматизмами хронологически разных напластований полна топонимика и этнонимика Кавказа. Не менее показательны наличие рассматриваемого термина в словах культовых. У сванов «tagmaʒ» значит «бог», а у грузинов — «язычник», т. е. «поклонник сарматского языческого бога». Подобные отложения в живой речи и последующие трансформации их семантики указывают на исконность этнонима «сармат» в яфетической кавказской среде. Возраст его восходит за пределы письменной истории.

Однако связь с Кавказом сарматов, реально существовавших на юго-востоке Европы в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры, не может быть сведена лишь к терминологической связи и ею ограничена. В частности, сарматы и абхазы сближаются друг с другом не только вскрытым Н. Я. Марром «сарматским слоем» в языке, но и материальной культурой — археологически и в современном этнографическом быте.

Сарматы Прикубанья, Придонья и Нижнего Поволжья времени письменных и греческих и римских источников — это прежде всего военно-демократическое объединение ряда крупных и мелких племен прикавказского юго-востока Европы, населявших экономически связанные или экономически тяготевшие один к другому районы страны. При этом более крупные единицы, повидимому, были, в свою очередь, племенными союзами. Римский географ Помпоний Мела (около 44 г. н. э.) следующим образом определял их: «берегами (Дона) и районами, тяго-

теющими к его берегам, владеют савроматы — одна народность, складывающаяся из нескольких племен с разными названиями». Источники сохранили не только ряд этих названий, но и указания на географическое расположение самих племен. Показательно, что среди всех них обычно не упоминается племя или род собственно «сармат», которые и могли бы дать свое имя всему объединению. Из этого следует, что популярность имени «сармат» поддерживалась иным фактором, более значительным, чем рядовое племенное название.

Последние исследования академика И. А. Джавахишвили разъяснили, что термин «сар-мат» составной и может быть истолкован на основе северо-кавказских языков как «народ саров» или в других случаях как «народ суров—савров» (тавров), или в третьих — как «народ серов, или сюрров». Разночтения у античных писателей (то савромат, то сармат, то сюрмат) оказываются, таким образом, не звуковыми различиями, а генетически восходят к племенным названиям нескольких, хотя и родственных, но первоначально отличных одно от другого племен. Понимание такого происхождения наименований было утрачено уже в античное время. Так, Плиний толковал варианты «савромат» и «сармат» как греческую и римскую транскрипцию одного и того же туземного названия и сам пользовался безразлично то тем, то другим.

Однако термин «сармат», когда он появлялся на устах греко-римского мира, имел уже не только частное значение, не ограничивался только указанием на данное племя на определенной территории или на союз племен. Особенно важно и показательно, что с ним связывалось представление о культурном и языковом единстве, несмотря на различное происхождение племен, входивших в сарматский союз, — уже явном единстве, если и не вполне еще сложившегося этнического целого, то все же такого целого, сложение которого зашло уже далеко. Конечно, не нужно представлять себе дело так, будто процесс был односторонним, будто сарматы подавляли местные культуры и внедряли свою. Процесс был двусторонним. На стороне сарматской военной демократии была способность и сила организовывать и объединять разрозненные элементы, экономически тянущиеся друг к другу. Сарматизация означала скрещение и синтез своеобразных слагаемых, входивших в соприкосновение, причем на обширной территории образовывались местные культурные разновидности и местные диалекты.

Формированию единства не противоречило то обстоятельство, что племена сарматов, стоявших на ступени военной демократии, вступали между собой в военные столкновения, как, например, во время событий 49 г. н. э. после низложения Мифрадата Боспорского, или отдельными отрядами призывались враждующими государствами и, по свидетельству Тацита, «получив дары с обеих сторон, по обычаю своего племени, помогали и тем и другим». Вероятно, как раз к периоду военной демократии, ко времени деятельности этих дружин, восходит сарматский словарный вклад, который затем выявится в русском и в других славянских языках в форме слова «храбрый», лингвистически являющегося, по словам Н. Я. Марра, вариантом термина «сармат».

В этом определившемся в глазах греко-римского мира культурном, языковом и этническом единстве, в многогранности процесса становления его и нужно видеть тот решающий фактор, который обусловил и поддерживал живучесть у античных писателей термина «сармат». Едва ли для сохранения его на прикавказском западе и в Причерноморье имело решающее значение существование на среднеазиатском востоке сильного государства Хорезма — терминологически «земли

харов» (саров). Подобное воздействие могло бы иметь место, если бы дело шло не о параллелизме или родстве этнонимов, лингвистически оформившихся за пределами письменной истории, а об исторически едином и нераздельном организме.

Одним из наиболее крупных сарматских племен Прикавказья были шираки (сираки — по написанию греческих и римских географов). Значение их среди сарматов было столь велико, что Страбон их именем определял степные пространства, примыкающие к северокавказским предгорьям, называя их то «ширакскими равнинами», то просто «сарматскими». Шираки, повидимому, были, в свою очередь, объединением нескольких племенных единиц. Племенное название их «ширак» и название основной территории их распространения — долина р. Ахардея (нынешний Маныч) совпадают как с названием области Ширак в Армении, так и с названием р. Ахуряна, орошающего эту область.

Такая парность терминологических совпадений уже сама по себе не оставляет сомнений в генетической зависимости насельников дважды одноименных областей. Тем самым еще раз подчеркивается связь крупного сарматского племени с яфетическим миром Кавказа. Ввиду этого получает особую ценность и свидетельство Страбона, хранящее какое-то зерно исторической реальности, не только о соседстве, но и родстве с сарматами и скифами иверов, живущих в горных областях Грузии; Страбон указывал при этом, что иверы составляют большинство народа. А в другом месте, говоря о шираках и аорсах, он отмечает, что они «кажется, беглецы из племен, живших выше», т. е., повидимому, тех же иверов. Сами сарматы объясняли свою близость к народам Закавказья на основе предания, в смутных очертаниях которого хранилась легенда о переселении их из Мидии (Диодор); Плиний прямо называет сарматов «потомками мидян».

Вторая крупная составная часть северокавказских сарматов — аорсы — имеет тоже терминологические связи и сближения с этнонимикой Кавказа. Необходимо упомянуть утидорсов Плиния, двучастное имя которых состоит из племенного названия утиев или утидов (ср. «удины») и орсов или аорсов. Под абзоями и арзоями, включавшими, по указанию Плиния, многочисленные племена, повидимому, следует подразумевать тех «верхних, т. е. предгорных, аорсов», которые, по свидетельству Страбона, «владели обширной страной и господствовали, можно сказать, над наибольшей частью Каспийского побережья, так что даже торговали индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидян». Страбон, отмечая закавказские и транскавказские торговые связи аорсов, совершенно умалчивает о среднеазиатских связях. Торговый же путь из Китая к Волге, т. е. через аорсов, существовал по крайней мере со II в. до н. э. Он был открыт, во всяком случае, не позднее этого времени. Именно аорсы, в противоположность, повидимому, ширакам, были особенно тесно связаны со Средней Азией, географически гранича с ней. При посредстве аорской племенной среды скорее всего могло осуществляться проникновение в Восточную Европу элементов среднеазиатской культуры, особенно — новых форм вооружения; именно в лице аорсов с их среднеазиатскими связями прежде всего нужно искать подлинных создателей сарматского художественного стиля; возможно, в какой-то мере отразился в Придонье и образ среднеазиатского Сиавуша; самое греческое название хорезмийца *χωρρασιος* стало на западе, на Дону именем собственным в лингвистически закономерной форме — *Χόρρασιος* (Танаисские надписи 220—236 гг. н. э.).

Мюлленгоф, объясняя первую часть этого имени от авестийского «*hu*», переводил слово в целом «вполне содействующий». Такое объяснение уже Вс. Миллеру казалось «маловероятным», но он, по его словам, «лучшего не имел предложить». Вообще иранские этимологии Мюлленгофа—Миллера имен северного Причерноморья нужно пересмотреть заново, и не отвлеченно, а в свете конкретной истории. Томашек и Маркварт считали аорсов просто новым политическим наименованием иранских номадов Приаралья—древних «рыбоедов» (*massjaka*, *Μασσαγῆται*), хотя позднее сам Маркварт усомнился, возможно ли такое толкование, поскольку неизвестно, называли ли аорсы когда-нибудь сами себя «рыбоедами».

Терминологически племенному имени аорсов могут быть указаны параллели также и на среднеазиатской почве в упоминаемых Плинием арсах в нынешнем Гиляне; арсийской называет Птолемей местность в Гиркании; наконец, название языка *arši* в районе Кучи, открытого в диалекте «А» на основании материалов, привезенных из Восточного Туркестана экспедициями Грюнведела, Стэна и др. Обычное возведение этого термина к асиям и асианам античных писателей не раз оставляло в литературе неудовлетворенность в связи с недостаточной мотивированностью появления «г» в термине «*arši*», при его отсутствии в «асии» и «асиане». Подобная неудовлетворенность отпадает при сопоставлении с термином «аорс».

Возможно, что при посредстве именно аорской среды термин «сармат» получал все более и более широкое хождение в Приаралье в процессе сарматизации. Слово «сармат» могло при этом, как отмечено выше, получить здесь значение указания на принадлежность к сарматскому единству, к сарматской культуре, на экономическую взаимосвязанность с сарматским миром. Возможно, что как раз к этой-то поре и восходит нынешнее наименование йомудов, что корни этого наименования первоначально сплетались с термином «сармат» именно в этом смысле.

Независимо от подобной посреднической роли имя самих аорсов получило свое распространение и могло преемственно сохраниться в названии племен, входивших в объединение, покрывавшееся именем «аорсы», «аорский союз племен». Оно, действительно, и сохранилось в названии приволжского народа «эрзя». В письме хазарского кахана Иосифа имя эрзя известно в форме, более близкой к основному наименованию: «арису» — «аорс». Но эрзя хранят, в отличие от удмуртов и мари, не только имя былого политического объединения, но в какой-то мере и наследие складывавшегося сарматского культурного единства в результате длительной и ширившейся аорсизации. Некоторые симптомы этого налицо в материальной культуре эрзя, в частности, в орнаменте вышивок.

Аорсы не изначально освоили огромные пространства к востоку от Танаиса и предгорий Восточного Кавказа, где они, в основном, жили согласно указаниям Страбона. Они постепенно включили в свое объединение и сарматизовали или, выражаясь термином Авесты, сайримазовали различные племена вплоть до Приаралья и нижней Сыр-Дарьи. Некоторое указание на это дают памятники материальной культуры, хотя заволжские — приуральский и приаральский — районы археологически еще мало исследованы. Аорсы были сарматами; в частности, они являлись одним из коренных элементов политического объединения — сарматской военно-демократической конфедерации племен, Азиатской Сарматии; вместе с тем они составляли, как это только что отмечено, одно из важнейших звеньев сарматизации.

Тем самым в применении к ним обозначение «сармат» имело по крайней мере тройное содержание: этническое, политическое и культурное.

Принято считать, что в китайских хрониках имя аорсов было транскрибировано, согласно открытому Фридрихом Хиртом закону о звуке «N» как китайском эквиваленте звука «R» иностранных слов следующим путем: *Aorso → Aṛsai → Jen-ts'ai. Однако, следуя этой схеме, пока еще не удалось подобрать закономерного «иностранного» (т. е. греческого или местного) эквивалента названию владения «Янь», соседившего с Яньцай с севера. Поэтому, если даже считать, что терминологически «аорсы» и «яньцаи» не тождественны, что наименования эти первоначально относились не к одному, а к двум отдельным племенам, что яньцаи не аорсы, — все же они не могли не быть втянуты в орбиту аорсов и постепенно не сливаться с ними в процессе сарматизации. Самая территория яньцаев, локализуемая китайскими хрониками у Аральского моря, совпадает с территорией аланорсов Птолемея — Марина.

Яньцай уже около начала последней четверти II в. до н. э. было характеризовано в Шы-цзы как сильное кочевническое владение, могущее выставить войска более 100 000. В течение последующих полутора веков положение не меняется. Только Цянь-Хань-шу, сведения которой доходят до первой половины I в. н. э., дополняет характеристику указаниями на наличие оседлости и городов, на занятие земледелием и скотоводством. Правда, возникает вопрос, как увязать подобные дополнительные данные, поскольку они могут быть отнесены к Яньцай все-таки косвенным путем, с указанием Шы-цзы, что Яньцай — «кочевое владение, в обыкновениях совершенно сходствует с Кангюем». Последнее, в свою очередь, охарактеризовано там опять-таки как «кочевое же владение». В самом деле, подразумевает ли хроника Старших Хань Яньцай и Кангюй, сообщая в общей форме: «вообще почти во всех государствах западного края ведут оседлую жизнь, имеют города, земледельство, скотоводство и в обыкновениях не сходятся ни с хунну, ни с усунями». Последнее противопоставление быта западного края хунну и усуням, кстати сказать, вновь подчеркивает отличие их от подлинных кочевников. Приведенные сведения Цянь-Хань-шу следуют непосредственно за перечислением четырех владений запада, к которым ведет северная дорога: Давань, Кангюй, Яньцай, Яньци. Эти сведения тем самым и должны, в первую очередь, относиться к названным четырем государствам. Однако, поскольку хроника ограничивает свою характеристику введением слов «почти во всех», осторожность требует еще подтверждения, что именно ни Яньцай, ни Кангюй не выпадают из общей характеристики западного края.

Что касается Хорезма — центральной части Кангюя, то мы фактически знаем там как значительное число населенных центров, так и развитую ирригационную систему, а также показательную для оседлого земледельческого быта материальную культуру и космогонические образы. В пограничных областях Кангюя — в Сыр-Дарьинском заречье — опять-таки древняя ирригационная система обеспечивала занятия земледелием и местное ремесло, известное нам по раскопкам городища Каунчи-Тепе и по находкам в могильниках.

Эти фактические, добытые археологическими исследованиями данные позволяют связывать характеристику Цянь-Хань-шу в частности и с Кангюем, а тем самым распространить ее и на Яньцай, который, по словам, «в обыкновениях совершенно сходствует с Кангюем». Кстати

сказать, Цянь-Хань-шу сама ни разу не назвала ни Яньцай, ни Кангюй владением кочевническим.

Вообще, сообщения китайских хроник о каком-нибудь владении, что оно кочевническое, не должно быть понимаемо буквально и узко. Подобные характеристики населения больших районов, как номадов, встречаем и у греческих и у римских авторов, и они не вполне соответствуют более сложной действительности. Классовые государства, односторонне называя кочевниками отдельные племена или политические образования иного, чем сами, склада, повидимому, не всегда и не исчерпывающе отражали в подобном определении всю сложность и многогранность взаимоотношений между ведущими производственными отраслями варварских стран. Так, Вэй-шу и Суй-шу характеризуют канского владетеля, как типичного кочевника, говоря про него, что «безвременно переходя с места на место, он не имеет привязанности к оседлой жизни». Параллельно с этим в том же тексте непосредственно следуют сведения, что «климат теплый, способный для произрастания всякого хлеба. Жители прилежат к садоводству и огородничеству. Деревья роскошно растут... Много виноградного вина...». Подробное в данном случае изложение хроник позволяет видеть более полную картину жизни, не исчерпывающуюся начальной характеристикой владетеля, как кочевника чистого вида. Кочевнические элементы составляли только часть населения государства Кан; между этим слагаемым единого общественного целого и оседло живущими не менее многочисленными массами существовала полная увязка.

Такие косвенные соображения служат дополнительным доводом в пользу предположения, что ни Яньцай, ни Кангюй не должны быть исключены из числа стран, в которых, согласно характеристике Цянь-Хань-шу, была развита оседлая жизнь, а также, наряду со скотоводством, и земледелие.

Сведения Цянь-Хань-шу об областях Приаралья и Нижней Сыр-Дарьи относятся как раз ко времени расцвета сарматской военной демократии на прикавказском юго-востоке Европы, что в Средней Азии соответствует кангюйскому и кангюйско-кушанскому периоду. Эти сведения рисуют приблизительно ту же картину хозяйственной жизни, какая нам известна на крайнем западе сарматского союза в Прикубанье-Придонье, соприкасавшемся с периферией Римской империи. Показательным для западного ядра союза была тесная увязка земледельческого хозяйства городищ и кочевнического скотоводства степей; это была общность хозяйства, придававшая специфический характер всей жизни рассматриваемых районов, частью населенных опять-таки аорсами. Археологическим путем совместно с данными других источников относительно полно выяснены основные элементы их экономики. На восточном крае Сарматского союза в соприкосновениях с Китайской империей и с соседним среднеазиатским государством Кангюй-Хорезмом исторически сложилась в некоторых отношениях параллельная обстановка. Как видно из Цянь-Хань-шу, создались подобные западным условия для полужемледельческой оседлой, полускотоводческой кочевнической жизни. Конечно, и жизнь в целом и отдельные стороны хозяйства имели здесь свои своеобразные черты и особенности. Ничтожное количество археологических исследований этих областей пока еще не позволяет вскрыть картину того времени полностью.

Спустя века полтора-два, по сведениям, доходящим до первой четверти III в. н. э., в судьбе Яньцай произошли коренные изменения.

«Владенье Яньцай, — как сообщает Хоу-Хань-шу, — переименовалось в Аланья». Далее, оно попало в зависимость от Кангюя. Формы зависимости Хоу-Хань-шу не указывает. Возможно, что они выражались лишь в уплате дани пушниной, подобно приуральскому владению Янь, примыкавшему к Яньцай с севера, которое платило дань «шкурами зверьков мышиной породы». Несомненно, что переименование в Аланья не было вызвано фактом подпадения под зависимость от Кангюя. Сжатый текст китайской хроники и не связывает эти два события воедино. Возможно, что факт подпадения под зависимость от Кангюя нашел даже и терминологическое выражение в китайской хронике в специальном слове «Выньнаша». Такое наименование носило, по словам Вэй-шу, одно время в древности владение Яньцай (см. ниже стр. 144—145).

Любопытно сравнить понятие о «переименовании» в данном тексте китайского хрониста с внешне подобными замечаниями у Аммиана Марцеллина (конец IV в.). Он дважды определяет аланов как прежних массагетов. Но у римского писателя, в противоположность китайскому хронисту, факт нового наименования народа имеет совершенно иное содержание. Слова Аммиана Марцеллина фиксируют конкретный этап этногенеза народов Восточной Европы и Средней Азии. Они могут быть сопоставлены с более ранним указанием Диона Кассия (около 150 — около 235 гг.) на массагетское происхождение аланов. В словах же Хоу-Хань-шу о переименовании Яньцай отражены крупные политические сдвиги, происшедшие на рубеже II и III вв. н. э. в юго-восточной Европе и в связанных с ней районах Приаралья. То был крах сарматской военной демократии, падение руководящей роли прикубанско-придонской сарматской знати, уже в значительной степени охваченной быстро нараставшим и углублявшимся процессом классового образования. Крах был ускорен глубоким кризисом античного рабовладельческого мира на северо-восточной периферии его. Во всяком случае, он — не просто рефлекс политических перегруппировок в Средней Азии, последовавших за падением греко-бактрийского царства. Но эти перегруппировки, как и продвижение хунну, несомненно, наложили свой отпечаток на дальнейшее положение в Приаралье — Прикаспии.

Нет возможности входить здесь в рассмотрение причин и хода этих событий. Усилившиеся противоречия между экономически не тождественными районами не привели, однако, к полному распаду сарматского объединения. Такому распаду должно было помешать, с одной стороны, то своеобразие страны в целом, вызванное, в первую очередь, географическими и природными данными, а также ее историческим местом в системе окружающих стран, которое делало объединение прикавказского юго-востока Европы неизбежным политическим следствием; с другой стороны, распаду препятствовали и те длительно складывавшиеся внутренние взаимосвязи, которые превращали самое наименование «сармат» в показатель не только племенной принадлежности, но и обусловленного всем ходом развития страны культурного, языкового единства. В области материальной культуры и искусства это особенно отчетливо проявляется в повсеместной четкости и однородности сарматского стиля.

Распада не последовало, — произошли внутренние перегруппировки. Ведущую роль получили аланы. Сарматское единство сохранилось в форме нового политического объединения — аланского военно-демократического союза племен. Произошло это на рубеже II и III вв. н. э., как об этом свидетельствуют культурные напластования ряда

северо-кавказских городищ, а также вещественные данные могильников и курганов.

Хронологической вехой, вполне соответствующей этой дате, может служить таманская стела Херака (208 г. н. э.). Поскольку подобных памятников больше не сохранилось¹ и наша стела единственна в своем роде, она не позволяет делать выводов ни о времени появления аланов в Причерноморье, ни, тем более, видеть в факте постановки ее доказательства якобы прихода их из Заволжья, из Средней Азии. Ни в коей мере нельзя считать, что наличие института аланских переводчиков вызывалось в это время якобы новыми пришельцами с непонятным языком. Аланы известны в этих районах уже с середины I в., т. е. протекло свыше полутора столетий со времени первых сообщений греческих и римских авторов об их наличии здесь. Строго говоря, бесспорен один вывод: на рубеже II и III вв. на Боспоре была потребность в аланских переводчиках. Во главе специальной группы их в начале III в. стояло официальное лицо — «главный аланский переводчик». В 208 г. таковым был Херак. Пользовались ли эти переводчики письмом и какой употребляли алфавит, пока указаний нет, ввиду отсутствия соответствующих памятников. Текст самой стелы греческий. Но как ни одинока наша стела, она не изолирована и не выпадает из исторического процесса. По совокупности с остальными источниками, указание ее на наличие названных переводчиков может быть объяснено необходимостью систематических сношений уже не просто с племенным объединением аланов в предгорьях Кавказа и у Мэотиды, а с соприкасавшимся с Боспорским царством сформировавшимся к тому времени обширным и сильным многоплеменным союзом аланских военных демократий. Политическая роль его простиралась за пределы Восточной Европы.

Описанный политический переворот получил, как мы видели, немедленно отражение в китайской хронике династии младших Хань, современной событиям (25—221 гг. н. э.). Сообщение о «переименовании» Яньцай в Аланья свидетельствует, с каким вниманием следил Китай за своей западной варварской периферией и, тем самым, какое крупное значение имело в его глазах политическое объединение Приаралья яньцаев. «Яньцай» поэтому нельзя считать просто старинным китайским наименованием аланов, как это широко принималось от Клапрота до Шаванна. Вообще же отождествлению сызначала аорсов в целом с аланами препятствуют, в частности, и данные исторической географии. Аланы с самого появления их в письменных памятниках территориально связаны с предгорьями Центрального Кавказа, с Дарьялом — «Аланскими воротами» и с прилегающими степями, которые с большим правом можно назвать страбоновскими «равнинами шираков», т. е. даже территориально связывать аланов не с аорсами, а уже скорее с шираками.

Возможность сравнительно широкой осведомленности Китая, вместе с тем, еще раз подчеркивает факт исторического единства Арало-Прикаспия с Прикавказьем. Причерноморские события немедленно сказывались в Средней Азии. Посылка Александром Берды за Дон к европейским скифам (в страну выше Боспора) и привод оттуда скифских послов; рассказ о якобы имевшем место предложении Фарасмана, царя хоразмиев, быть проводником и доставлять войску провиант в случае, если Александр предпримет поход и захочет подчинить себе

¹ Вторая, тождественная этой надписи на стеле, хранившаяся в Таманском музее, есть грубая подделка начала XX в.

живущие у Понта Эвксинского племени, являвшиеся соседями Фарасманова царства, — все это отражает реальную историко-географическую обстановку древности.

II

Аланы, возглавившие на рубеже II и III в. н. э. бывшее сарматское объединение, появляются на страницах истории в середине I в. н. э. как-то внезапно, бурно, сразу на далеко отстоящих местах. Они страшат своей «дикостью» дунайские границы Римской империи (Сенека); «суровые и вечно воинственные», они подвергаются на Востоке преследованиям Помпея (Лукан, Флавий Иосиф); они рвутся в Закавказье и в Парфию; парфянский царь Вологез вынужден просить у Рима помощи против них (Светоний); они сосредоточены и в Приазовье. Было бы понятно обилие одновременных сообщений о них древних писателей, если бы греко-римский мир представлял их себе, как и последующих гуннов, лавиной нахлынувших завоевателей. Ничего подобного писатели не изображают. Напротив, в первых же сообщениях есть какая-то будничность обыденных явлений, отводящая аланам два-три слова мимоходом, как бы в расчете на то, что образ их привычен и встанет в рост сам собой при простом упоминании. Они представляются взрослыми всеми корнями в исконную этническую среду Северного Причерноморья. Флавий Иосиф в конце I в. н. э. прямо говорит: «племя аланов — это скифы, по Танаису (Дон) и Мэотиде (Азовское море) живущие».

Самое имя «алан» выводят либо из санскритского «агапа» в значении «обособленный в дали», т. е. как бы «живущий в степи», пытаясь тем самым связать наименование с представлением об аланах как исключительно о кочевниках. Но такому сближению препятствует отсутствие соответствующей формы в иранских диалектах. Большинство склоняется к этимологии от иранского «агу́йпа» → «алап». Заманчиво было бы привлечь для подкрепления этой этимологии сообщение Птолемея о том, что Приаралье «против устья Яксарта и среди обеих рек» (т. е. как раз территория, входящая в состав Аланьи китайских хроник) «населено ариаками». Имя их также могло бы генетически восходить к «агуа» и «агуапа».

Но вопрос о генезисе термина «алан» еще далеко не решен; особенно в связи с широко принятым на Западе толкованием *Агуа́й* «а́гуа», как «благородные», как «господа» — «господствующий слой» в среде покоренных и поработанных племен. Против такого толкования, являющегося, по словам Н. Я. Марра, «оскорблением законов палеонтологии», он восстал со всей силой. Предложенная им этимология «алап» — «hоlap» от корня «hal», лежащего в основе значительного числа кавказских названий и там обычная, показала необходимость искать источники имени «алан» в глубине яфетической среды. В самом деле, термин «алан» существовал в северокавказских степях еще до того, как конкретные аланы вступили на страницы письменной истории. Так, этот термин наличествует в имени роксолан. Вс. Миллер, сближая «рокс» по созвучию с древнеиранским и осетинскими словами, объяснял составное название «роксолан» как «светлые аланы». Марр, в противоположность ему, видит в «рокс» наличие яфетического племенного термина «гош» (gaš, rask, в греческом восприятии Ροῦς). Тем самым, аланы как бы вызревали в рошской племенной среде яфетического Кавказа; отсюда и самое название их «рошские аланы — роксоланы», название, построенное по типу «скифо-

аланы». Базируясь на той же звуковой основе с рокс — рош — руш, проф. С. П. Толстов связывает наименование «роксолан» со средневековым названием одной среднеазиатской области «Осрушана», т. е. «область племен осрушан». Терминологически Толстов рассматривает последних как рушских, иными словами, как рокских осов. Самое же появление термина «рокс» на среднеазиатской почве может быть отнесено ко времени значительно более древнему. Он налицо в составном наименовании столицы сакской царицы Зорины — Роксанаке.

Столь исключаящие друг друга этимологии не оказываются решающими в определении этнической принадлежности тех конкретных аланов, деятельность которых зафиксирована в письменных источниках середины I в. н. э. и в последующих. Уже Клапрот, свыше ста лет тому назад, отождествив с аланами прошлого осетингов настоящего, показал иные возможности для определения этногенеза аланов. Дальнейшее изучение осетинского языка, преимущественно в сближении его с иранскими, выдвинуло гипотезу об иранском, в частности о среднеазиатском, происхождении осетингов. Наибольшая близость осетинского к хорезмскому диалекту и хорезмские предания о соседстве аланов или даже о переселении их, — все это выдвинуло вопрос, в частности, о Хорезме.

Осетины — это собственно осы или асы, если отбросить в их наименовании грузинирующий определитель «ети»; однако в Средней Азии налицо параллельный полному наименованию этноним «исседон». В древней Руси они известны именно под этим названием «яс», «ясыня»; «ясыг» — вариант с показателем множественности «г». Терминологически они связываются с многочисленными племенами Средней Азии и Семиречья с этнонимом «ас». На трактовку проф. С. П. Толстовым осрушан как юсских (осетинских) роксов и на связь этого термина с роксоланами уже обращено внимание выше.

Сами себя они называют «иг», что генетически обычно сближается с иранским «айгуа», а страну свою «Iгон» — название, выводимое из «Aiguana». Словопроизводство это, долгое время казавшееся нерушимым, признано проф. В. Абаевым «явно ошибочным и основанным на случайном звуковом сходстве». Отождествление «иг»-«агуа» он считал просто недоразумением. Все подобные термины, по его мнению, «уходят корнями в кавказский этно-культурный мир и только в рамках этого мира могут найти себе толкование». И академик Н. Я. Марр, со своей стороны, указал на наличие в осетинском всего лишь 35% индоевропейских слов. «Осы, — писал он, — вне общих корней с окружающими народами, с речью прежде всего яфетической системы, абсолютно немыслимы».

Наряду с подобными противоположными высказываниями, многаяжды и в разных смыслах говорилось и о приходе аланов в Европу после сарматов, именно на места последних. В сравнительно позднем приходе аланов и видели причину того, что они делаются известными в греко-римской литературе только с I в. н. э. Андреас даже утверждал, что аланы пришли в южноевропейские районы нашего Союза именно из Хорезма.

Предполагаемый приход аланов в северокавказские области не может быть оправдан археологическими материалами. Больше того, это опровергается фактическими показаниями кубанских и донских городищ, могильников и курганов. О таких изменениях в материальной культуре, какие позволили бы говорить о новых пришельцах, даже смене населения страны, ни в то время, ни во время, предшествующее появлению аланов в письменной истории, данных не имеется. Отдель-

ные новые формы — вооружения ли, быта ли — охватывали сравнительно широкие районы Сарматии лишь постепенно. Таковы некоторые перемены в вооружении: прямой лук, трехперые наконечники стрел с черенком, длинный меч; таково изменение покроя женской одежды, требовавшего употребления фибулы. Тем же путем, без резких смен шло и формирование сарматского художественного стиля.

Конечно, продвижение вооруженных дружин и даже каких-то групп могло иметь место при этом не только из-за реки Урала, в западном направлении, не только из-за Волги, но и за Волгу, в Приаралье. Памятники материальной культуры скорее намекают на последнее, чем опровергают. На памяти письменной истории совершалось немало крупных переселений. Неоднократно переселения, как бы они исторически ни были подготовлены, вносили в жизнь столько потрясений, обуславливая последующие перемещения других племен, что даже сравнительно крупные хронологические отрезки могут быть названы временем великого переселения народов. Еще совсем недавно, в середине XIX в., как напомнил мне ак. В. В. Струве, путешественники-европейцы в Африке оказались наблюдателями крупного переселения кочевых негритянских племен, сопровождавшегося столкновением с насильственных мест оседлого населения. Но не переселения племен являются основным двигателем мировой культуры. Гораздо значительнее роль коренных аборигенов страны, как в образовании народности, так и в выработке языка, в сложении материальной культуры, в мифотворчестве, в создании художественных образов. Именно так шел исторический процесс на юго-востоке Европы. Говорить об аланах как о недавних пришельцах, чуждых Предкавказью, нет оснований.

Аланы как народность вызревали в сарматской среде, в обстановке роста сарматского военно-демократического объединения. Показательно, что связь их именно с местным этническим массивом Прикавказья была подчеркнута уже Флавием Иосифом, т. е. в самом начале их появления в анналах истории. Также и позднее, в представлении греко-римского мира середины и второй половины II в., отраженном в ярких художественных образах Лукиана Самосатского, аланы и по языку, и по одежде были одинаковы с коренным местным населением, которое Лукиан продолжает называть скифами. Они отличались от последних будто бы тем, что не носили длинных волос. Напрасна попытка покойного Дегена-Ковалевского показать, на основании археологических данных, якобы несоответствие этого образа действительности. Конечно, он был бы прав, если бы дело шло о геродотовских скифах: у них одежда не требовала застегивания фибулой. Но под понятие «скиф» Лукиана нельзя подставлять прежних скифов, нельзя воспринимать его слова как историко-этнографический экскурс к геродотовским временам. Несмотря на то, что Лукиан употребляет наряду с термином «скиф» и другие племенные наименования, как то: «сармат», «синд», «махлий», «алан», — нельзя не признать, что «скиф» у него, как и вообще в то время, — понятие, равнозначное понятию «коренное население». Объединяя аланов со скифами, Лукиан тем самым связывал их (как и Иосиф Флавий за столетие до него) с исконными насельниками страны. А могильники Северного Кавказа показывают для этого времени такую общность материальной культуры, какая может свидетельствовать именно о сложившемся или, по крайней мере, длительно складывавшемся культурном единстве. Поэтому археологические данные не отвергают художественного образа Лукиана Самосатского, а как раз его подтверждают.

Место жительства аланов — их страна Алания, как ее назвал

Лукиан, находилась, по его представлениям, неподалеку от Боспора и по соседству с синдами, центром которых был район нынешней Анапы. По представлениям греко-римского мира середины II в., аланы находились, таким образом, в основном в тех же местах, где их знали с I в. н. э., — в предгорьях центрального Кавказа с Дарьяльским ущельем (Аланские ворота) и в прилегающей степи. С Кавказскими предгорьями они связаны, видимо, искони и своими корнями уходят в яфетическую племенную толщу. В словах Аммиана Марцеллина, будто «аланы получили свое название от гор», возможно, нашло отражение какое-нибудь аланское племенное предание о связи их с Кавказом.

Приблизительно в это же время, незадолго до возглавления аланами огромного политического объединения, внутренняя связь их с сарматами и созревание их на сарматской основе получает этнонимическое оформление в виде составных птолемеевских наименований: аланоскифы (οἱ Ἀλανοὶ Σκυθαί) и аланорсы (οἱ Ἀλάνορσοι). В самих наименованиях, таким образом, подчеркнуто представление греческих географов о том, что ни исконное население, определяемое обычным термином «скифы», ни, в частности, аорсы — крупнейшее племя сарматов, с одной стороны, ни аланы, с противоположной, не поглотили одни других. Тем важнее, тем исторически значительнее, что Птолемей помещает этих аланоскифов и аланорсов не на насиженной территории Северного Кавказа, где их наблюдали в течение двух веков и где палеонтология языка вскрыла их имя с незапамятных времен, а в Приаралье и в низовьях Сыр-Дарьи. Гора в том же районе (возможно, нынешние Мугоджары) называется Птолемеем, кстати сказать, Аланской (Ἀλανόσχη).

Таким образом, в сарматском военно-демократическом объединении племен, к концу господства сарматской знати, аланы являются и в Средней Азии, как и на Северном Кавказе, не отдельными вкраплениями, не изолированными единицами, а чем-то неотделимым внутри тех или иных племенных массивов. Приблизительно около того же времени (возможно, несколько позже) происходит подчинение аорского Приаралья-Прикаспия Кангюю. В этом факте вскрывается историческая близость восточных сарматских районов к Средней Азии, ориентация их в сторону последней, в противоположность западной ориентации западных районов. Здесь наряду с Прикубаньем-Придоньем сложился второй крупный центр с сильными аланскими элементами — аланорский центр.

Образование его здесь, внедрение сюда аланской военной демократии осуществлялось на основе широкого сарматского единства. Происходило это тем легче, что отдельные районы сарматского союза значительно отличались один от другого ввиду неравномерности их экономического и социального развития. В то время как в основном ядре объединения (в Прикубанье-Придонье) шел ускоренный процесс распада родовых отношений и классовообразования, в других районах еще не было достаточной базы для развития рабовладельческих отношений античного типа; пережитки родового общества играли в них еще ведущую роль.

Аланская военная демократия и могла получить в таких районах преобладающее значение, поскольку аланы сравнительно в большей чистоте сохранили свое варварство. Конечно, не могло оставаться без воздействия на развитие аланов соседство и постоянные сношения с классовым рабовладельческим обществом восточного типа — с государством Иберией. Иберия обращалась за военной помощью прежде

всего к аланам. Когда Тацит сообщает об участии сарматов в закавказских событиях 35 г. н. э., мы должны подразумевать под сарматами не все племена союза, а, в первую очередь, именно аланов. Именно они, а не кто другой, будучи союзниками соседей иверов, могли закрыть горные проходы, так называемые Аланские ворота, перед дружинами, шедшими на помощь парфянам, и не допустить их в Иберию, о чем упоминает Тацит. Через земли аланов пролежала одна из главных перевальных дорог через хребет — нынешняя Военно-грузинская. Южным концом она упиралась в крупнейший иберский центр того времени — Армази (Harmosica античных писателей).

Как раз теперь, только за последние годы, грузинские ученые обнаружили там, при замечательных по результатам раскопках, яркую картину жизни первых трех веков нашей эры. Открытая во время раскопок двуязычная греческая + грузино-арамейская надпись на надгробии Серапитис, исследованная и только что опубликованная проф. Г. В. Церетели, а также грузино-арамейская надпись царя Михрдата, вполне уточняют наши представления о природе Иберийского государства как государственном организме восточного типа. Это выявляется с исчерпывающей наглядностью путем установления социальной иерархии I—II вв. на основании титулатуры.

В частности, восточный тип общества подчеркивается наличием в I в. питиахшата — института, считаемого чисто персидским, введение которого в Иберском царстве до сих пор связывалось с концом IV — началом V в., с подпадением Иберии в зависимость от сасанидской Персии. Теперь можно утверждать, что питиахши Иберии, которые были трех рангов — великие, малые и просто питиахши, указывают не на подчинение сасанидам, а на исторически выработавшийся внутренний строй восточного рабовладельческого иберского социального организма.

Восточный вариант классового рабовладельческого общества Иберии должен был наложить специфический отпечаток на разложение родовых отношений у аланов, на их военно-демократическое объединение. Этот отпечаток был совершенно отличен от того, который накладывал греко-римский мир на сарматов Прикубанья-Придонья. К тому же, и Средняя Азия давала родственные политические образования государств восточного типа с сильными военно-демократическими элементами. Таковым, в первую очередь, повидимому, был сопредельный сарматскому союзу Хорезм. Этим также объясняется, почему военная демократия аланов могла получить в восточных районах сарматского союза преимущественное влияние. Она не была поглощена сарматской политической организацией; в таких условиях и имя «аланы» не растворилось и не исчезло из живого обращения. Всем ходом истории они оказались, говоря словами Аммиана Марцеллина, «обращенными к востоку». К моменту краха политического образования сарматов в руках аланской военной демократии оказались экономически более сильные присреднеазиатские районы, не затронутые кризисом на северо-восточной периферии Римской империи. Переход главенства в руки аланов был предрешен исторически.

Описывая времена наивысшего расцвета и могущества аланского военно-демократического объединения племен в последующие III—IV вв., Аммиан Марцеллин указывал на широкие влияния аланов: «истощая постоянными победами соседние племена, они мало-помалу распространили и на них свое племенное название» (31, II, 13). Перед нами типичная для военной демократии картина насильственного подчинения племен. Параллельно с этим шел внутренний процесс культур-

ного объединения, — продолжало складываться этническое единство. Различные племена, возглавленные аланской военной демократией, «с течением времени приняли, говоря словами Аммиана Марцеллина, одно имя, и теперь все вообще называются аланами за обычай, дикий образ жизни и одинаковое вооружение». В представлении римского писателя аланы были не только политической организацией, но, подобно сарматам, культурно-этническим единством. В значительной степени это единство должно быть отнесено еще на счет именно сарматов, на счет длительной сарматизации.

Показательно в этом отношении изучение материальной культуры на рубеже нашей эры в северо-восточном Узбекистане, особенно в Сыр-Дарьинском заречье, культуры, относящейся как раз ко времени сарматской военной демократии. Группы вещественных памятников из районов Чирчика-Ангрена и Фархадстрая вскрывают такое культурное единство с Предкавказьем, какое не может быть объяснено только стадильным совпадением. Подобная степень близости форм материальной культуры может служить только симптомом общности этногонического процесса. Ее нельзя отнести на счет приноса образцов якобы переселившимися племенами, так как нет никаких данных для оправдания мысли о смене в это время населения в этих районах; нет также ни указаний, ни признаков привода сюда или вывода отсюда горшечников. Напротив, технические показатели керамики обоих районов существенно отличаются одни от других.

Устанавливаемая нами исключительная и своеобразная близость явилась следствием общности исторического бытия юго-востока Европы и прилегающих районов Средней Азии. Народные массы среднеазиатцев оставались, в сущности, теми же коренными туземными племенами, только глубже и полнее втянутыми в процесс становления сарматского и аланского единства. Корни аланов Средней Азии нужно искать в сарматизованной дахо-массагетской, сакской среде. В европеоидности нынешних туркменов, тем самым, нужно видеть наследие исконного местного европеоидного типа. Предположение о возможности привнесения его, якобы, оседанием аланов, как этнически цельного и замкнутого массива, тождественного аланам Северного Кавказа, отпадает само собой. Ведь едва ли случайно, что антропологические исследования напали именно на европеоидный тип черепов в погребении I—II вв. н. э. в районе Ташкента, тогда как Нижнее Поволжье дает иной, не длинноголовый тип.

Отклики подлинного этногенеза в каких-то еще живых преданиях просочились к античным писателям. Дион Кассий (LXIX. 15) определяет аланов (албанов) как массагетов; Аммиан Марцеллин (XXXI. II. 12; XXIII. V. 16) характеризует их, как «прежних массагетов».

В процессе образования этнических общностей, еще неустойчивых по своему характеру, с племенными скрещиваниями и перегруппировками, имя сарматов, затем перекрытое именем аланов, могло закрепиться и на Сыр-Дарье, и в Сыр-Дарьинском заречье, и в Хорезме за исконными насельниками этих мест. Дожившее до ал-Бируни народное предание тоже считало аланов своими родственными племенами. Только природная катастрофа, будто бы изменившая географическую обстановку, побудила, по мнению Бируни, «род аланов или асов» переселиться на побережье Хазарского моря. Указанием на то, что «язык их теперь смешанный из хорезмского и печенежского», Бируни невольно подтвердил, что этногенез местных племен еще не завершился. Процесс дальнейших скрещений шел — это следует из его слов — уже в направлении тюркизации.

Этнонимические совпадения, как доказала антропология, не обязательно соответствуют антропологическим. Примером этого могут служить узбеки и казахи, у которых совпадают названия ряда родов, тогда как антропологически они совершенно отличны друг от друга. Сохранение имени «алан» в топонимике и этнонимике Средней Азии, сопровождаемое в отдельных случаях даже этнографическим своеобразием, а также в народных преданиях, подтверждает то же.¹ Источник этого — не у аланов Прикавказья, не в перемещении в том или обратном направлении якобы замкнутых племенных массивов, а в местном дахо-массagetском культурном прошлом страны.

Сообщение Цянь-Хань-шу о земледелии и скотоводстве, о значительной оседлости и наличии городов рисует сложные хозяйственные взаимоотношения в этих районах Средней Азии как раз во времена сарматской военно-демократической конфедерации племен, что соответствует кангюйскому и кангюйско-кушанскому периоду. Интересы кочевнического скотоводства увязывались с хозяйством оседлых районов, а интересы земледельца тесно сплетались с кочевническими. Безбрежность степи не разлучала, не отчуждала; она больше чем когда-либо объединяла, она органически роднила.

Преемственно, вслед за временем сарматского, затем аланского военно-демократического объединения племен единство прикавказского юго-востока и Приаралья остается нерушимым и в последующие века. Продвижение гуннов не только не нанесло ему ущерба, но позволило раскрыться еще полнее.

И античные писатели и Вэй-шу говорят о покорении в середине IV в. н. э. страны аланов гуннами. Однако уже из слов Аммиана Марцеллина можно усмотреть, что отношения между гуннами и аланами представлялись ему и его информаторам более сложными, чем покорение, каковыми они и были на самом деле. По его определению, часть аланов присоединилась к гуннам «по условиям мирного договора», оказывала гуннам военное содействие, что придавало им уверенность в успехе. В сущности Аммиан Марцеллин описывает не столько покорение, сколько образование гунно-аланского военно-демократического союза племен на территории бывшего сарматского, потом аланского объединения.

Это событие, казалось бы, должно было найти отражение в китайских хрониках, подобно тому как это имело место при образовании аланского союза. Хоу-Хань-шу отметила тогда, как известно, «переименование» владенья Яньцай и Аланья. Действительно, в Вэй-шу упоминается, что та же страна Яньцай носила одно время название Выньнаша или, по другому произношению, Уннаса. Маркварт рассматривал последнее как китайскую переделку слова «Хуннастан», т. е. «страна гуннов». Мысль связать это название с образованием гунно-аланского союза напрашивалась как бы сама собой. Но едва ли догадка Маркварта может быть принята. Дело в том, что китайцы пользовались устойчивым иероглифом для обозначения «Хунну». Поэтому было бы немотивированным, как подтвердил мне и проф. А. А. Драгунов, заменить только в одном данном случае обычный иероглиф «хун» другим, в таком значении не употреблявшимся, — «вынь» или «ун».

Отождествление названия Выньнаша с образовавшимся в Приаралье-Прикаспии гуннским союзом племен научно не обосновано и в другом

¹ Название столицы Ань (Бухара) в Тхан-шу — «Алан», а в Вэй-шу — наименование владетеля Му «Аланми», обозначено в китайских хрониках иным комплексом иероглифов, чем название «Аланья» в Вэй-шу. Поэтому оба термина нельзя считать тождественными.

отношении. Еще не установлено, можно ли приурочить появление и существование здесь такого наименования как раз к этому времени. Скорее, не кроется ли под китайским термином «Выньнаша» указание на более раннее подчинение этого района Кангюю-Хорезму, в течение какого-то срока имевшее место? По крайней мере при младших Хань данный район одно время, действительно, «состоит в зависимости от Кангюя». В позднейших хрониках сохранена традиция, что «владельческий Дом Кан есть отрасль кангюйского Дома» (Вэй-шу) или что «канский владелец есть потомок кангюйского Дома» (Суй-шу), причем «со времени династии Хань преемство престола не пресекалось. Собственно владелец прозывается Вынь, происходит из Дома Юечжы» (Вэй-шу, Суй-шу). Аналогичные данные сохраняет и Тхан-шу: «Прозвание государю Вынь. Он происходит из Дома Юечжы...» (пер. Иакинфа) — «Le nom de famille du prince est Wen...» (пер. Chavannes). Поскольку иероглиф «Вынь» семейного имени владельца, династически связанного с Кангюем, совпадает с начальным иероглифом «Выньнаша», это служит косвенным подтверждением возможности связывать наименование Выньнаша с фактом зависимости Яньцай от Кангюя-Хорезма. Китайские хроники, в таком случае, отразили как внутренние сдвиги в Приаралье, связанные с событиями на Западе (в прикавказском юго-востоке и в северном Причерноморье), так и внешние изменения в его судьбе, связанные с соседним Кангюем-Хорезмом. Первое увековечено указанием на «переименование» Яньцай в Аланья, второе — сообщением о временном названии того же района Выньнаша.

Что же касается времени гунно-аланского объединения, то к периоду формирования его (по вычислениям Аристов и Хирта к середине IV в.) можно возвести термин Суктак («Судэ») в приложении опять-таки к тому владению, которое, по словам Вэй-шу, «в древности называлось Яньцай и Выньнаша», т. е. именно к сарматско-аланскому Приаралью-Прикаспию. Самая форма термина — тюркская. Повидимому, это было гуннским обозначением данных районов, почерпнутым китайцами через купцов. Китайская хроника, включив это название, зарегистрировала тем самым умышленно или, скорее, невольно новые политические изменения, происшедшие здесь, — сложение гунно-аланской или алано-гуннской военно-демократической конфедерации племен.

Хотя в основе термина «Суктак» и лежит, по всей вероятности, слово «Согд», едва ли возможно считать, что с понятием «Суктак» связывалось то же содержание, что, например, с понятием «Сугдак» у Махмуда Кашгарского (1074 г.) в приложении к определенному району Семиречья. Согдийская колонизация последнего засвидетельствована не только письменными источниками, но и археологически. Данных же о массовой колонизации Приаралья-Прикаспия у нас нет. Суктакские купцы, которые, по свидетельству Вэй-шу, первоначально «во множестве» приходили в Китай из владения Суктак, в основном должны были быть аланскими и аланизованными туземными купцами.

Наименование Приаралья в данный период Суктаком бросает свет и на появление на противоположном конце сармато-аланского единства — на крайнем западе, в Крыму, тоже Суктака (нынешнего Судака). Названием своим он обязан не случайному заходу сюда каких-то согдийцев, отложивших в топонимике свой этноним, или стихийному продвижению сюда согдийских купцов непосредственно с Зеравшана. Китайская хроника засвидетельствовала более широкое, как установлено выше, значение термина «Суктак» в алано-гуннской среде Приаралья. Город раннего средневековья возник, повидимому, на основе античного поселения. На это указывают отдельные археологические находки на территории Су-

дака. Но в отношении названия Приаралья Суктаком необходимо подчеркнуть, что поселение это находилось в скифской племенной среде, этнонимически родственной, и, возможно, искони носило соответственное этнониму местное название. Как показал академик Н. Я. Марр, основа *sug* из *sgi* полностью соответствует основе *sku* термина *sku-ža* «скиф». Исторически сложившаяся лингвистическая среда обусловила встречу обоих родственных терминов — местного причерноморского и приаральского. Наименование прибрежного центра в Крыму, в одном из важнейших районов его, — не рядовой перенос какого-то чуждого или случайного этнонима; это исторический след в топонимике давних взаимосвязей с Приаралем, со Средней Азией и с Узбекистаном.

Еще больший след векового сармато-аланского единства остался в памятниках материальной культуры и искусства не только сарматского времени, но и последующих веков. Сложение алано-гуннской военной демократии привело к новому культурному подъему в западных, причерноморских центрах. Культура и искусство Керчи, переживавшие с конца IV в. н. э. знаменательный расцвет, основными нитями связаны с аланским прошлым Причерноморья и Прикавказского юго-востока Европы. Но вместе с тем искусство Керчи складывалось в тесном контакте со Средней Азией на основе длительно формировавшегося сармато-аланского единства. Материальной базой для выработки своеобразного стиля данного периода служил широкий обмен и усилившаяся переброска художественных материалов и полуфабрикатов внутри огромных пространств гуннского объединения. Памятники этого искусства обнаружены по всей территории алано-гуннского союза племен. Они известны не только в Керчи и ее периферии, но и за пределами периферии во внутренних районах страны; находки их зарегистрированы не только в Причерноморье, не только в Придунавье и отдельных районах Западной Европы, но и повсеместно на Северном Кавказе, а также и в Средней Азии. При этом относительно предметов хотя бы обеих находок в Боровом (Северный Казахстан) можно с достаточным основанием утверждать, что они изготовлены не в причерноморских центрах, не ввезены оттуда, а связаны с местным производством.

На этом хронологическом этапе проблема вековых, тысячелетних взаимосвязей культуры Средней Азии и Прикавказского юго-востока Европы (включая Северное Причерноморье и Северный Кавказ) приобретает особое, обостренное значение. Дело в том, что предметы этого искусства, художественное ремесло этого времени обычно носили (да и продолжают еще у многих носить) название «готских», «готской культуры» в специфическом понимании термина «готский» как «германский». Своеобразие их выводят из особенностей творческого духа германского гения, а носителями и распространителями «культуры» в целом называют готов, считаемых за единый, этнически замкнутый массив германского происхождения. Нахождение подобных изделий в Крыму, на Украине, на Северном Кавказе было использовано германской националистической «наукой» как доказательство господства германцев на протяжении нескольких веков, якобы имевшего в то время место на значительной части территории европейских южных районов нашего Союза.

Не говоря уже о том, что многоплеменные союзы остроготов и вестготов сами по себе являются сложными образованиями и отнюдь не германским массивом, необходимо подчеркнуть, что формирование и расцвет художественного ремесла, о котором идет речь, относятся ко времени после распада этих союзов в Восточной Европе и крушения так называемого «царства» Эрменриха. Датировка рассматриваемых памятников обосновывается строго документально монетами и индикациями

последней четверти и конца IV в. Принадлежность художественных изделий этого рода времени гунно-аланской военно-демократической конфедерации племен делается тем самым несомненной. Искусство и культура сложились на основе исконных местных художественных образов и давних взаимосвязей со Средней Азией и Кавказом. Получить же полное выражение, яркие и специфические формулировки оно могло лишь благодаря небывало широким возможностям внутреннего обмена в алано-гуннском объединении племен, связавшем друг с другом отдаленные районы добычи сырья и соответственные ремесленные центры.

Проблема эта имеет глубокий исторический интерес и выдающееся значение. Она раскрывает общность исторического бытия между братскими республиками нашего Союза с древнейших времен. Однако на фоне всех этапов давних взаимосвязей прикавказского юго-востока Европы со Средней Азией, с северным Казахстаном и Узбекистаном, в частности, взаимосвязей, корнями уходящих за II тысячелетие до н. э., вопрос о гунно-аланском хронологическом этапе их получил особо животрепещущее значение.
